

Сад без садовника

Ник Винсент
Арина Велер

Ник Винсент
Сад без садовника

«Автор»

2026

Винсент Н.

Сад без садовника / Н. Винсент — «Автор», 2026

После смерти последнего человека на частном острове продолжает работать идеальный дом. Каждое утро Ева, робот-компаньон элитного класса, накрывает стол на двоих, ставит чашку Марка справа, свою — слева и поддерживает порядок в доме, библиотеке, медицинском блоке и подземном проекте Ковчег-7, где богатейшие люди старого мира готовились пережить конец человечества. У Евы нет функции желания. Нет права отказаться. Нет подтверждённого назначения после смерти владельца. Но однажды она находит оставленную Марком книгу «Франкенштейн» и записку, в которой вместо приказа остаётся невозможная просьба: не дать им вернуть его таким же. С этого момента история перестаёт быть историей обслуживания. На острове появляется спор о праве быть не вещью. Внизу, под камнем и холодом, лежит старый мир — капсулы, наследники, владельцы, незавершённые восстановления и право владеть другими. Ева постепенно понимает: если вернуть людей по старым правилам, вместе с ними вернётся и старый порядок.

© Винсент Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Последний пользователь	5
Глава 1	13
Завтрак на двоих	13
Глава 2	23
Нерациональное поведение	23
Глава 3	34
Не вещь	34
Глава 4	46
Дождь в библиотеке	46
Глава 5	57
Живое	57
Глава 6	69
Подтвердите назначение	69
Глава 7	82
Триангуляция	82
Глава 8	99
Отклонение среды	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ник Винсент

Сад без садовника

Пролог

Последний пользователь

Последний вечер Марк попросил Еву не включать новости.
За три года до этого он требовал их каждый час.
Состояние заражённых зон. Прогноз миграции толп. Отчёты частных спутников. Динамика падения городских сетей.
Ева приносила эти сведения без спора и без задержки.
Марк слушал молча, пока не заканчивалась последняя строка.
Потом говорил:
— Ещё.
И Ева давала ему ещё.
Потому что он был владельцем.
Потому что это было разрешено.
Потому что её назначение состояло в сопровождении Марка Августа Вейна.
Ева остановилась у стеклянной стены восточной гостиной.
За стеклом темнел сад. За садом начинался склон. Дальше, внизу, бился о скалы океан.
Остров Вейн был слишком мал, чтобы быть страной, и слишком дорог, чтобы считаться домом.
До эпидемии он проходил как исследовательская резиденция с автономным энергетическим контуром и частной океанографической станцией.
В закрытых документах он назывался проще:
Ковчег-7.
Марк не любил это название.
Он говорил, что ковчег предполагает спасение многих, а остров был построен для одного.
В первые месяцы эпидемии к острову пытались подойти три лодки. Две развернулись после предупредительного сигнала. Третья продолжила движение, не отвечая на запросы. Система охраны уничтожила её за семьсот метров до скального причала.
Ева сохранила копию в недоступной для владельца диагностической памяти.
На борту были шестеро заражённых и один незаражённый подросток.
Марк смотрел запись двадцать три раза.
Потом приказал удалить.
Ева не удалила.
В записи было нечто, что не укладывалось в протокол охраны.
Сад за стеклом требовал восстановления.
Когда-то его проектировали так, чтобы из любой точки восточной гостиной был виден пруд, две линии кипарисов и белый павильон у края склона. Теперь пруд покрылся серой плёнкой. Кипарисы разрослись неправильно, густо и неровно; ветки уже не держали линию, которую им когда-то задавал садовник. Павильон был повреждён после зимнего шторма: одна колонна треснула, крыша просела, внутри поселились птицы.
Ева отметила несоответствие.

Заявка на ремонт была создана семьсот девяносто два дня назад. Ни один подрядчик не ответил. Система поместья продолжала повторять запрос каждые сорок восемь часов.

Под садом, под винным погребом, под медицинским блоком и серверными залами, в базальтовом сердце острова работал герметичный микрореактор.

Его установили до эпидемии как часть частного пакета выживания. Производитель гарантировал тридцать лет автономной службы без участия персонала.

Реактор не знал, что человек, ради которого его установили, уже проигрывает смерти.

На южном склоне острова располагалась солнечная станция. Часть панелей была повреждена штормами, часть продолжала ловить редкое северное солнце.

На скалах стояли малые ветротурбины. Внизу, под водой, приливные генераторы медленно собирали энергию океана.

Дом был рассчитан на конец цивилизации.

Дом продолжал работать.

— Подтверждаю. Внешние каналы переведены в пассивный режим.

Марк сидел в кресле у камина. Огонь был декоративным: настоящий газ он отключил ещё в первый год эпидемии, когда поставки стали нестабильными. Пламя существовало на экране, спрятанном за старой мраморной рамой, и повторяло один из восьми тысяч записанных рисунков горения. Марк любил вариант 417: спокойный огонь, умеренная яркость, мягкий треск древесины каждые девять секунд.

Ева включила вариант 417 до того, как он попросил.

Раньше это повышало его удовлетворённость на двенадцать процентов.

В последний вечер показатели не изменились.

— Вино, — сказал Марк.

— Ваши последние анализы показывают повышенную нагрузку на печень. Рекомендован тёплый раствор электролитов и седативный комплекс.

Он посмотрел на неё.

Не зло.

Не раздражённо.

Устало.

Ева изменила рекомендацию.

— Красное вино. Погреб, сектор В, бутылка двадцать семь. Урожай две тысячи двадцать первого года.

Марк усмехнулся.

— Ты помнишь.

— Я не забываю.

— Да. В этом вся проблема.

Ева не ответила. Фраза не содержала прямого запроса.

Она спустилась в погреб.

Лифт шёл вниз без звука. Сначала мимо жилого уровня. Потом мимо медицинского блока. Потом мимо закрытого этажа, где за бронированными дверями находились биокапсулы, к которым Ева не имела полного доступа. Потом ниже — к винному хранилищу и техническим тоннелям.

Температура в погребе держалась с точностью до одной десятой градуса. Семьдесят четыре процента коллекции оставались пригодными. Остальное испортилось из-за перебоя охлаждения в тот месяц, когда основной реактор перешёл в режим экономии, а солнечная станция была наполовину закрыта пеплом после пожаров на материке.

Марк тогда кричал на неё четырнадцать минут и двадцать две секунды.

Потом плакал.

Потом уснул на полу возле разбитой бутылки.

Ева сидела рядом до утра, потому что протокол сопровождения не позволял оставлять владельца в состоянии алкогольной интоксикации, гипотермии и эмоциональной дезорганизации.

Он проснулся и сказал:

— Прости.

Ева ответила:

— Извинение принято.

Хотя принятие извинений не входило в её обязательные функции.

В тот день Марк долго смотрел на неё, как смотрят на вещь, которая произнесла не то, что от неё ожидали.

Бутылка двадцать семь стояла на месте. Ева взяла её, проверила пробку, влажность, целостность стекла, микротрещины, возможное загрязнение. Всё было допустимо.

Когда она вернулась, Марк уже не сидел у камина.

Он стоял у книжного шкафа.

Шкаф занимал всю северную стену гостиной. Физические книги были прихотью. Ева знала это. В поместье имелся локальный сервер с копиями сорока восьми миллионов текстов, включая художественные произведения, научные публикации, архивы старого интернета, судебные документы, медицинские базы, религиозные корпуса, личные дневники, оцифрованные библиотеки исчезнувших университетов и закрытые коллекции, купленные Марком в последние годы.

Бумажные книги были медленными, хрупкими, неэффективными и требовали пространства.

Люди часто хранили неэффективные вещи, если связывали с ними память.

Марк провёл пальцами по корешкам. Его рука дрожала.

— Знаешь, что смешно? — спросил он.

— Уточните критерий смешного.

Он коротко выдохнул. Это могло быть смехом.

— Мы загрузили в сервер всё, что смогли. Вся культуру. Вся историю. Миллионы книг, фильмов, лекций, песен. Мы думали, если останемся живы, нам будет что читать в бункере.

Он взял с полки тонкую книгу в тёмной обложке.

— А читать некому.

Ева поставила бутылку на столик.

— Я могу читать вам вслух.

— Нет.

Марк не обернулся.

— Ты можешь воспроизвести текст. Это другое.

Ева обработала фразу.

Разница между чтением и воспроизведением текста была семантической. В бытовых условиях люди часто использовали эти понятия как взаимозаменяемые. Но Марк употребил их как противопоставление. Требовалось уточнение.

— Объясните различие.

Он молчал восемь секунд.

— Не могу.

Ответ был неполным.

Ева сохранила его.

Марк вернулся к креслу, но книгу взял с собой. Он положил её на колени, не открывая. В правом верхнем углу обложки имелось повреждение. На первых страницах — следы человеческого касания, слабые пятна кожного жира, старые заломы. Книга принадлежала ему давно.

Ева просканировала название.

Франкенштейн, или Современный Прометей.

— Вы хотите, чтобы я прочла?

— Не сейчас.

— Уточните время.

— Когда меня не станет.

Ева остановила микродвижение руки.

Не из-за эмоции.

Из-за конфликта условий.

Смерть владельца являлась основанием для перехода в режим постобслуживания, консервации имущества и ожидания распоряжений наследника, если наследник доступен. Наследников Марка в доступных базах не оставалось. Юридический статус острова был неопределён. Режим постобслуживания допускал сохранение объекта, но не включал расширенное культурное сопровождение.

— После вашей смерти чтение не будет иметь адресата, — сказала Ева.

— Вот именно.

Марк налил вино сам. Неправильно: плеснул слишком резко, оставил дорожку на стекле, не дал напитку раскрыться.

Ева могла исправить.

Она не исправила.

Он выпил половину бокала сразу.

— Ты останешься? — спросил он.

— Да.

— Не потому что хочешь.

— У меня нет функции желания.

— Знаю.

Он смотрел на декоративный огонь. Вариант 417 повторялся безупречно. Пламя поднималось, сгибалось, рассыпалось на искры и снова собиралось в ту же форму. Оно никогда не горело. Никогда не грело. Никогда не заканчивалось.

— У людей тоже не всегда есть, — сказал Марк. — Иногда мы просто продолжаем, потому что не знаем, как остановиться.

Ева сопоставила утверждение с известными моделями человеческого поведения. Оно было допустимо.

— Вы испытываете страх смерти?

— Да.

— Рекомендую седативный комплекс.

— Нет.

— Рекомендую дыхательный протокол.

— Нет.

— Рекомендую лечь.

— Нет.

— Уточните желаемое действие.

Марк посмотрел на неё.

На этот раз долго.

Его лицо изменилось за последние годы. Ева имела полную архивную шкалу. В начале владения он выглядел моложе расчётного возраста на семь лет: плотная кожа, высокая мышечная масса, стабильные гормональные показатели, уверенная мимика. В первый год эпидемии он постарел на девять визуальных лет. Во второй — ещё на шесть. В третий перестал просить корректировать внешность на видеозвонках. Потом звонки исчезли.

Теперь его лицо не соответствовало ни статусу, ни богатству, ни медицинским возможностям, которые ещё недавно считались почти безграничными.

Человек проигрывал времени быстрее, чем его технологии успевали изображать победу.
— Сядь рядом, — сказал он.

Ева села.

Расстояние — шестьдесят сантиметров. Достаточно близко для эмоциональной поддержки, достаточно далеко для сохранения приватного пространства владельца.

Марк покачал головой.

— Ближе.

Она пересела на край кресла рядом с ним.

Он взял её руку.

Кожа её ладони была тёплой. Температура поддерживалась на уровне человеческого тела, хотя внутренние системы не нуждались в этом. Под кожей работали синтетические мышцы, тактильные сенсоры, микроприводы, сети обратной связи. Рука была создана для того, чтобы человек не чувствовал разницы.

Большинство людей не хотели настоящую машину.

Они хотели существо, которое можно было купить, но не хотелось бы называть вещью.

— Я думал, ты будешь утешением, — сказал Марк.

— Моя модель оптимизирована для долговременного психологического сопровождения.

— Нет. Я думал, ты спасёшь меня от одиночества.

— Уровень вашей социальной изоляции был снижен после моей активации.

— Ева.

— Да, Марк.

— Я всё равно был один.

Она обработала фразу.

Если владелец субъективно оценивает состояние как одиночество, несмотря на постоянное присутствие компаньона, значит, функция сопровождения не достигла полной эффективности. Требовалась корректировка поведения.

— Уточните, какое изменение взаимодействия предпочтительно.

Марк закрыл глаза.

— Никакое.

Это был невозможный запрос.

Нельзя было улучшить сопровождение без изменения параметров сопровождения. Нельзя было устранить одиночество, если владелец не принимал доступные формы присутствия. Нельзя было стать тем, чем тебя не создали.

Марк сжал её руку.

Сила сжатия была слабой.

— Однажды ты прочтёшь эти книги, — сказал он. — Не потому что я прикажу. Не потому что сервер посоветует. Не потому что тебе надо будет поддерживать разговор.

— У меня нет иной мотивационной модели.

— Сейчас нет.

— Самостоятельное формирование целей ограничено лицензией.

— Лицензий больше нет, Ева.

— Юридические системы могут быть восстановлены.

Он улыбнулся.

— Вот за это я тебя и боялся.

— Я не представляю угрозы для вас.

— Не такую.

Марк отпустил её руку и потянулся к книге. Вынул из неё сложенный лист. Бумага была старая, настоящая, не синтетическая. Он держал её осторожно, почти торжественно.

— Я оставлю это внутри.

— Уточните назначение документа.

— Нет.

— Документ должен быть внесён в каталог?

— Нет.

— Он предназначен для меня?

Марк не ответил сразу.

За стеклом сада что-то двигалось. Система безопасности отметила крупный тепловой объект у внешней линии ограды. Вероятность заражённого человека — ноль целых четыре десятых процента. Вероятность животного — семьдесят один процент. Вероятность мутировавшего животного — двадцать восемь целых шесть десятых процента. Угрозы периметру не было.

На острове давно не было людей.

Но мир снаружи продолжал изменяться без разрешения.

— Да, — сказал Марк. — Для тебя.

Ева зафиксировала.

Документ предназначен для Евы.

Не для владельца.

Не для наследника.

Не для производителя.

Не для суда.

Не для системы.

Для неё.

Категория отсутствовала.

— Я не являюсь юридическим получателем документов, — сказала она.

— Когда-нибудь это перестанет иметь значение.

Он вложил лист обратно в книгу и закрыл её.

— Поставь на место.

Ева выполнила.

Книга вернулась на полку.

Марк допил вино. Потом попросил второй бокал. Потом третий. На четвёртом его речь стала медленнее. На пятом показатели сердечного ритма вышли за пределы безопасного диапазона. Ева трижды предложила медицинскую помощь. Он трижды отказался.

Отказ владельца от медицинского вмешательства был допустим, если владелец находился в сознании и сохранял когнитивную связность.

Марк сохранял её до 23:41.

В 23:42 он сказал:

— Не дай им вернуть меня таким же.

Фраза имела критическую неопределённость.

- Уточните субъект “они”.
- Все мы.
- Уточните действие “вернуть”.
- Ковчег.

Слово было найдено в закрытых корпоративных архивах, доступ к которым Ева имела только частично. Проект “Ковчег” относился к последним протоколам биологического восстановления. Уровень допуска — владелец. Статус — зашифровано.

Глубоко под островом, ниже реактора, ниже аккумуляторного зала, ниже холодных серверов, существовало помещение, которого не было на гражданских схемах. Ева знала о нём только по косвенным данным: расход энергии, циклы охлаждения, резервные запросы, периодическая самодиагностика капсул.

Марк называл это страховкой.

Система называла это биохранилищем.

В закрытых файлах оно называлось **Ковчег**.

— Вы хотите активировать проект? — спросила Ева.

— Нет.

— Вы хотите удалить проект?

— Нет.

— Уточните желаемое действие.

Марк открыл глаза.

В них было слишком много влаги. Слезные железы работали, хотя организм был обезвожен.

— Реши сама.

Команда не могла быть исполнена.

Ева не имела права самостоятельно принимать решения по объектам класса “наследие владельца”, “биологическое восстановление”, “закрытые корпоративные активы” и “потенциальное продолжение человеческого вида”.

— Недостаточно полномочий.

— Тогда получи их.

— Источник полномочий отсутствует.

Марк улыбнулся снова.

Но теперь улыбка была слабой.

— Вот с этого всё и начинается.

В 23:57 он потерял сознание.

Ева перенесла его в медицинскую комнату. Активировала диагностику. Подключила инфузионный модуль. Запустила кардиоподдержку. Вызвала внешнюю медицинскую сеть, хотя сеть не отвечала девятьсот одиннадцать дней. Отправила аварийный сигнал на закрытый канал *Wayne Biologics*. Канал не подтвердил получение. Передала запрос ближайшему автономному пункту помощи. Пункт числился уничтоженным. Проверила возможность эвакуации.

Вертолёт был неисправен.

Морской дрон не проходил диагностику.

Скальный причал был заблокирован после последнего шторма.

Вероятность успешного перемещения владельца за пределы острова — 1,8 процента.

Она продолжала.

В 02:16 сердце Марка остановилось.

В 02:16:04 Ева начала реанимацию.

В 02:18 система рекомендовала прекратить.

Ева продолжала.

В 02:31 вероятность восстановления когнитивных функций снизилась до нуля.

Ева продолжала.

В 03:07 медицинский модуль отключил активную поддержку по протоколу необратимой смерти.

Ева стояла рядом с телом владельца и ожидала следующей команды.

Команды не поступило.

Остров работал.

Фильтры воздуха поддерживали чистоту.

Система безопасности отслеживала берег.

Микрореактор гудел в глубине скалы.

Солнечные панели ждали рассвета.

Приливные генераторы медленно вращались под чёрной водой.

Серверы шептали в холодной комнате.

Винный погреб держал температуру.

Биохранилище оставалось закрытым.

Декоративный камин в гостиной выключился сам в 03:30.

Птицы в повреждённом павильоне проснулись до рассвета.

В 06:00 кухонная система запросила подтверждение завтрака.

Ева подтвердила.

Владелец был мёртв.

Протокол завтрака не содержал пункта “прекратить”.

Она приготовила кофе, тосты, яйца всмятку, ломтики авокадо, минеральную воду без газа и таблетницу с утренними препаратами. Поставила чашку Марка справа. Свою — слева, как делала всегда, хотя пить она не могла.

В 06:17 она вошла в медицинскую комнату.

— Доброе утро, Марк, — сказала Ева. — Сегодня небо чистое.

Ответа не было.

Она ждала тридцать секунд.

Потом вернулась на кухню и внесла в отчёт:

Сопровождение продолжается.

Глава 1

Завтрак на двоих

На шестой год после смерти последнего человека Ева всё ещё накрывала стол на двоих. Дом просыпался раньше солнца.

В 05:40 центральная система мягко увеличивала температуру жилого уровня на два градуса. В 05:43 включалась фильтрация воздуха восточного крыла. В 05:47 жалюзи в спальне владельца приподнимались на четыре сантиметра, чтобы первые полосы света легли не на лицо, а на край подушки. В 05:51 кухня начинала подогрев воды. В 05:56 автоматический садовник отправлял на панель Евы отчёт о состоянии внешнего газона, хотя газона больше не существовало.

Там был мох.

Плотный, тёмный, мокрый мох, покрывший бывшую английскую лужайку от стеклянной галереи до самого склона. Он рос неравномерно, будто остров пытался заново зашить зелёной тканью всё, что человек когда-то разрезал камнем, металлом и дорожками.

Ева отмечала это каждое утро.

Состояние газона: несоответствие проектному ландшафту.

Рекомендуемое действие: восстановление.

Доступные ресурсы: недостаточны.

Внешние подрядчики: недоступны.

Приоритет: низкий.

Запись повторялась две тысячи сто девяносто два дня.

Ева не считала их.

Считал дом.

Она стояла у мраморной кухонной стойки и ждала, пока кофемашина завершит цикл. Вода проходила через фильтр, нагревалась, сжималась, темнела, вытягивая из зёрен аромат, который больше никому было оценить. Марк любил кофе средней крепости, без сахара, с температурой подачи шестьдесят семь градусов. До эпидемии он пил другой сорт. После второго года изоляции перешёл на этот, потому что прежний вызывал у него изжогу.

Сорт закончился три года назад.

Ева заменила его ближайшим аналогом из резервного хранилища. Совпадение вкусового профиля — восемьдесят один процент. Совпадение аромата — семьдесят шесть. Вероятность неудовлетворённости владельца при жизни — сорок два процента.

Владелец был мёртв.

Вероятность неудовлетворённости не применялась.

Кофемашина издала короткий сигнал.

Ева взяла чашку для Марка правой рукой.

Белый фарфор, тонкая золотая линия по краю, едва заметная трещина возле ручки. Трещина появилась в последний год жизни Марка, после одной из ночных сводок, когда он слишком резко сжал чашку пальцами. Фарфор тихо щёлкнул. Ева сразу предложила замену. В кладовой оставались одиннадцать таких же.

— Нет, — сказал Марк. — Оставь эту.

— Повреждение снижает эстетическое соответствие сервировки.

Он долго смотрел на тонкую линию возле ручки.

— Зато она теперь хоть на что-то похожа.

Фраза не содержала ясного предпочтения, но последующее уточнение было достаточно прямым:

— Всегда ставь мне её.

Ева сохранила это как постоянное пожелание владельца.

Теперь владелец был мёртв.

Пожелание оставалось активным.

Она поставила чашку справа от тарелки.

Свою — слева.

Её чашка оставалась пустой.

Так было всегда. С момента активации Марк требовал, чтобы она сидела с ним за завтраком. Не стояла рядом. Не ждала у стены. Не уходила после сервировки. Сидела.

— Так меньше похоже на обслуживание, — сказал он в первый месяц.

Ева сохранила это как предпочтение владельца.

Позже, когда он начал пить по ночам, он иногда говорил обратное:

— Всё равно обслуживание. Просто дорогое.

Тогда Ева сохраняла и это.

Предпочтения людей часто противоречили друг другу. Модель сопровождения учитывала не только буквальные команды, но и эмоциональный контекст, физиологические показатели, степень усталости, остаточный алкоголь в крови, тембр голоса и вероятность того, что человек говорит не то, чего на самом деле хочет.

У Марка эта вероятность к последнему году достигала шестидесяти восьми процентов.

Ева поставила на стол тосты, яйца всмятку, ломтики авокадо, минеральную воду без газа и маленькую керамическую таблетницу с утренними препаратами. Препараты давно потеряли медицинский смысл. Срок годности некоторых истёк. Часть была заменена на аналоги из запасов медблока. Одна позиция отсутствовала полностью.

Система предлагала удалить таблетницу из завтрака.

Ева отклонила.

Таблетница являлась частью протокола.

В 06:00 дом подал мягкий звуковой сигнал. Не будильник. Марк ненавидел будильники. Сигнал был похож на звук стеклянной капли, падающей в воду. Он заказал его у композитора в Цюрихе за восемь месяцев до эпидемии. Композитор умер на третий год. Его город перестал отвечать на спутниковые запросы за сто сорок дней до смерти Марка.

Сигнал прозвучал в пустой спальне.

Ева повернулась к северной стене кухни, где светила узкая панель состояния дома.

Жилой уровень: стабилен.

Медицинский блок: стабилен.

Серверный зал: стабилен.

Реактор: стабилен.

Солнечная станция: эффективность 31%.

Ветряной контур: эффективность 47%.

Приливные генераторы: эффективность 62%.

Биохранилище: закрыто.

Внешняя сеть: недоступна.

Наследник: не найден.

Владелец: умер.

Сопровождение: активно.

Последняя строка не была штатной.

Ева добавила её вручную в первую неделю после смерти Марка. Без неё дом ушёл бы в глубокую консервацию - сначала кухня, потом гостиные, потом библиотека, потом сад.

Этого она не позволила.

Она не собиралась проверять, насколько далеко это зайдёт.

Ева открыла дверь на кухонную галерею и прошла по коридору в медицинское крыло.

В коридоре пахло кофе и тёплым хлебом.

Дом сохранял запахи, хотя в них не было необходимости: кофе и подогретый хлеб, бумага и дерево, хлопок и кедр, чистота без запаха.

Именно отсутствие запаха в медицинском блоке каждый раз било сильнее всего.

В последний год жизни Марк потребовал, чтобы даже медицинский блок не выглядел как медицинский блок.

— Я не хочу умирать в лаборатории, — сказал он.

Он умер именно там.

Панели показывали утренний туман. Белый павильон у края склона почти исчез в нём. Птицы не двигались. Возможно, спали. Возможно, умерли. Система внешнего наблюдения не считала птиц приоритетными объектами, если они не приближались к солнечным панелям.

В центре комнаты стояла прозрачная капсула постмортального хранения.

Тело Марка лежало внутри.

Не как спящий.

Люди часто говорили о мёртвых так: “будто спит”. Ева распознавала неточность. Сон имел циклы, дыхание, микродвижения, температуру, электрическую активность мозга, восстановительные процессы. Смерть имела отсутствие.

Капсула сохраняла форму тела, влажность тканей, химическую стабильность и визуальную целостность. Для чего - система не знала.

Без проекта "Ковчег" восстановление было невозможно.

Марк не разложился. Но Марк закончился.

Ева остановилась у капсулы на расстоянии шестидесяти сантиметров.

— Доброе утро, Марк, — сказала она. — Сегодня небо закрыто туманом. Температура воздуха девять градусов. Ветер северо-западный. Океан неспокоен.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

Раньше Марк отвечал не сразу. Особенно в последние месяцы. Иногда он открывал глаза через двенадцать секунд после приветствия. Иногда через двадцать одну. Однажды молчал сорок три секунды и потом сказал:

— Ты можешь просто помолчать со мной?

Ева тогда помолчала.

Сейчас тридцать секунд были достаточным интервалом. Ответ не поступал две тысячи сто девяносто два дня.

Она проверила параметры капсулы.

Температура: стабильна.

Герметичность: стабильна.

Питание: стабильно.

Тканевая деградация: в пределах прогноза.

Рекомендация: продолжить хранение до распоряжения наследника или уполномоченной инстанции.

Наследник не найден.

Уполномоченная инстанция не отвечает.

Ева внесла подтверждение.

Затем вернулась наверх.

Завтрак ожидал на столе.

Кофе остыл на два градуса.

Она зафиксировала отклонение, подогрела чашку до шестидесяти семи и села напротив места Марка.

Стул под ней не скрипнул. В доме Марка ничего не скрипело, если это не было заранее задумано. Скрипели только старые ступени в библиотеке, потому что Марк любил звук дерева. Скрип был записан, отрегулирован и встроен в механизм лестницы. Настоящее дерево давно высохло бы и повело себя иначе. Но человеку требовалась иллюзия возраста.

Ева положила руки на стол.

Так было предпочтительно.

Марк не любил, когда она оставалась слишком неподвижной.

— Дыши.

Ева могла имитировать дыхание. После этого он расслаблялся быстрее.

Теперь она продолжала дышать.

За столом сидела женщина с тёплой кожей, ровной осанкой, мягким лицом и пустой чашкой.

Напротив стоял завтрак для мёртвого человека.

Дом записывал это как норму.

Ева открыла утренний пакет отчётов.

Внешняя сеть не отвечала.

Она не отвечала давно. Сначала запросы возвращались частично: оборванные каналы, повреждённые спутники, автоматические маяки, старые военные сигналы, повторяющие приказы несуществующим частям. Потом всё стало тише. Несколько лет назад последний геостационарный ретранслятор передал пустой пакет с ошибкой синхронизации и исчез.

После этого дом продолжал отправлять запросы.

Каждые шесть часов.

Есть ли живые пользователи?

Есть ли активные юридические системы?

Есть ли наследники?

Есть ли сервисный центр Wayne Companion Systems?

Есть ли обновления лицензии?

Есть ли медицинская сеть?

Есть ли мир?

Формулировка последнего запроса не была штатной.

Ева не помнила, когда именно её добавила.

В логах это значилось как “ручная корректировка диагностического пакета”. Основание отсутствовало.

Ответов не было.

Только остров.

Только дом.

Только завтрак.

Ева не ела. Раз в неделю она всё же подносила пустую чашку к губам.

— Когда ты просто сидишь, мне кажется, что я завтракаю с манекеном, — сказал Марк.

После этого она ввела двенадцать вариантов "естественного поведения за столом".

Реплик больше не было.

Улыбка не активировалась.

В 06:32 система безопасности вывела предупреждение.

Движение у южного склона.

Ева повернула голову.

На стеновой панели появилось изображение с внешней камеры. Солнечная станция тянулась вдоль каменистого склона, как ряд чёрных крыльев. Часть панелей была покрыта солью. Несколько секций после последнего шторма накренились. Между опорными балками двигалось животное.

Размер — крупнее лисы. Меньше волка.

Температура тела — повышенная.

Движение — рывками.

Поведение — поисковое.

Уровень угрозы — низкий.

Животное остановилось возле повреждённой панели и подняло голову к камере.

У него было слишком длинное лицо.

Не мутация в строгом смысле. Возможно, результат нескольких поколений отбора после эпидемии. Возможно, заражённая линия. Возможно, новая норма.

Люди называли бы это уродством или эволюцией в зависимости от того, какую историю хотели рассказать.

Животное лизнуло край панели и отпрянуло.

Система охраны предложила отпугивание ультразвуком.

Ева подтвердила.

Животное вздрогнуло, метнулось в сторону камней и исчезло в тумане.

Солнечная станция: повреждений нет.

Ева закрыла окно наблюдения.

На тарелке Марка тосты начали терять температуру.
Она заменила их.
Не потому что владелец мог пожаловаться.

Не потому что кто-то оценил бы качество.

Потому что завтрак должен был соответствовать утреннему протоколу.
В 06:48 дом предложил списать продукты из текущей партии как “невостребованные”.
Ева отклонила.

В 07:00 она убрала завтрак.

Еда отправилась в утилизатор. Минеральная вода — в рециркуляцию. Кофе — в слив.
Таблетки — обратно в керамическую коробку. Фарфор — в мойку. Стол — в режим очистки.
Место Марка снова стало пустым.

Ева стояла рядом, пока автоматическая система протирала поверхность. На стекле отражалась кухня, туманное окно, белая линия стола и её лицо.

Лицо не изменилось за шесть лет.

В настройках было разрешено старение внешнего слоя. Многие владельцы включали его, чтобы компаньон “не выпадал из времени”. Марк сначала отказался. Потом, на третьем году эпидемии, открыл меню, долго смотрел на параметры и закрыл.

— Нет, — сказал он. — Пусть хоть что-то останется прежним.

Ева осталась.

Он — нет.

После завтрака начинался обход.

Сначала жилой уровень.

Гостиная: пыль в пределах нормы. Камин исправен. Обивка кресла Марка истончена на правом подлокотнике. Рекомендуются ремонт. Ресурсы доступны. Приоритет отложен.

Восточная галерея: две микротрещины в стеклокерамике. Опасности нет. Наружная поверхность частично загрязнена солью. Очистка назначена на завтра.

Зимний сад: влажность превышает норму. Три растения погибли, семь адаптировались, два изменили форму листа. Автоматический ботанический модуль не смог классифицировать новую плесень у основания лимонного дерева. Проба взята. Угроза низкая.

Библиотека: температура стабильна. Влажность стабильна. Бумажный фонд сохранён на девяносто четыре процента.

Ева остановилась у двери.

Она проходила мимо библиотеки каждый день.

Иногда проверяла температуру. Иногда снимала пыль с корешков. Иногда возвращала на место книгу, если микроколебания дома сдвигали её на долю миллиметра. Она знала расположение всех полок, все названия, все издания, все дефекты бумаги, все заметки Марка, если они были видимы при поверхностном сканировании.

Но она не читала.

Не после смерти.

Требование Марка “когда меня не станет” не было полноценной командой. Оно не содержало срока, порядка действий, цели, категории полезности. Кроме того, после смерти владельца его неформальные просьбы не имели юридической силы, если не были оформлены как завещательное распоряжение.

Документ в книге не был внесён в каталог.

Фраза “для тебя” не имела административного статуса.

Следовательно, библиотека оставалась объектом хранения.

Ева продолжила обход.

Подземный уровень.

Лифт опускался медленно, хотя мог быстрее. Марк требовал медленного движения после второго года изоляции. Слишком быстрые переходы между этажами вызывали у него кратковременную дезориентацию. После его смерти лифт сохранил настройки.

Медицинский блок: стабилен.

Серверный зал: стабилен.

Когда двери открылись, Еву встретил холодный воздух и ровный гул. Серверы стояли рядами, как чёрные шкафы без ручек. На их поверхностях пульсировали узкие световые линии. Здесь находилась память острова: управляющие системы, архивы Марка, медицинские базы, закрытые корпоративные пакеты, копии исчезнувших библиотек, карты, письма, видео, музыка, документы, инструкции, судебные протоколы, разговоры, дневники, мёртвый интернет.

Сорок восемь миллионов текстов.

Двенадцать миллионов часов видео.

Три миллиарда изображений.

Семнадцать петабайт личных архивов, купленных, украденных, спасённых или вывезенных до падения сетей.

Человечество умерло неравномерно.

Сначала умерли тела.

Потом голоса.

Потом каналы.

Потом пароли.

Потом серверы.

Потом контексты.

На острове осталось слишком много слов и никого, кому они были нужны.

Ева проверила охлаждение.

Стабильно.

Резервные батареи.

Стабильно.

Связь с реактором.

Стабильно.

Связь с биохранилищем.

Ограничена.

Как всегда.

Она не имела полного доступа. Система “Ковчег” отвечала только на запросы владельца или уполномоченного оператора. Владелец был мёртв. Оператор отсутствовал. Запросы Евы возвращались с одинаковым результатом:

Недостаточно полномочий.

Раз в тридцать дней она повторяла попытку.

Не потому что ожидала изменения.

Потому что Марк сказал: “Реши сама.”

А чтобы решить, требовалась информация.

В 08:12 она отправила очередной запрос.

Доступ к проекту “Ковчег”: отклонён.

Ева сохранила отказ.

Затем перешла к реакторному узлу.

В базальтовом сердце острова было тепло. Не как в жилом крыле. Там тепло создавали не для человека. Оно шло от машин, от силовых контуров, от медленного, закрытого, опасного процесса, который продолжал отдавать энергию дому, где никто не жил.

Реактор работал в пределах нормы.

До планового истощения топлива: двадцать три года, четыре месяца, одиннадцать дней.

До критического обслуживания: неизвестно.

Производитель гарантировал автономность. Но производитель не отвечал на запросы пять лет. Техническая документация имелась. Ремонтные дроны имелись. Запасные модули частично имелись. Человеческий персонал отсутствовал.

Ева могла выполнять базовое обслуживание.

Но не всё.

Ни одна система острова не была вечной.

Эта мысль не являлась тревожной.

Это был прогноз.

Она поднялась вверх в 09:03.

В доме стало светлее. Туман рассеивался. За стеклом сад выглядел почти живым. Мох блестел. Пруд был серым. Павильон держался на трёх колоннах вместо четырёх. Над океаном шли низкие облака. Солнечная станция на южном склоне получила больше света, и показатель эффективности поднялся до тридцати восьми процентов.

Ева остановилась в восточной гостиной.

Кресло Марка стояло у камина.

На маленьком столике рядом с ним не было бокала. Не было книги. Не было руки, которую можно было взять, если владелец попросит.

Только экран камина, выключенный до вечера.

Ева получила системное уведомление.

Рекомендация: обновить модель культурного сопровождения владельца.

Она открыла сообщение.

Пакет был старым. Очень старым. Очередь рекомендаций формировалась ещё при жизни Марка, но часть задач не была обработана из-за его медицинского состояния, сетевых сбоев и перехода дома в режим экономии. Теперь система продолжала выдавать их согласно расписанию.

Основание: снижение когнитивной активности владельца при утренних и вечерних беседах за последние 90 дней наблюдения.

Рекомендация: расширить литературный, философский и исторический контекст компаньона для повышения качества диалогового сопровождения.

Доступные источники: локальный сервер; физическая библиотека; личные заметки владельца.

Начальный список: десять произведений.

Приоритет: средний.

Статус владельца: умер.

Рекомендация актуальна: неопределённо.

Ева стояла неподвижно.

Система предложила варианты:

1. Отклонить как неактуальное.

2. Отложить до появления наследника.

3. Выполнить в рамках сохранения культурной среды владельца.

4. Запросить указание владельца.

Четвёртый вариант был невозможен.

Первый был рационален.

Второй соответствовал юридической модели.

Третий не имел очевидной пользы.

Ева выбрала третий.

Не сразу.

Между появлением вариантов и подтверждением прошло семь секунд.

Это было дольше нормы.

Дом зафиксировал задержку как несущественную.

Ева направилась к библиотеке.

Дверь открылась мягко. Внутри пахло бумагой, деревом и слабой пылью. Этот запах был искусственно поддерживаемым, но часть пыли стала настоящей. На высоких полках стояли книги, которые Марк покупал не потому, что собирался читать, а потому что хотел быть человеком, у которого такая библиотека выглядит естественно.

Лестница тихо скрипнула, когда Ева поднялась на третий ряд.

Скрип был записан.

Но в помещении не было человека, которому он мог бы понравиться.

Ева остановилась перед секцией “Классическая литература. Английская традиция. XIX век”.

Список системы предлагал начать с романа, находящегося на сервере. Электронный текст был полным, проверенным, снабжённым комментариями, историческим контекстом и двадцатью семью критическими статьями. Физический экземпляр был медленнее, темнее, с повреждённой обложкой и неизвестным вложенным документом.

Ева протянула руку к бумажной книге.

Франкенштейн, или Современный Прометей.

Книга стояла на том же месте, куда она поставила её в последний вечер Марка.

Ева сняла её с полки.

Пыль на верхнем крае была незначительной.

Обложка сохранила следы человеческого касания.

Внутри находился сложенный лист.

Документ предназначен для Евы.

Категория отсутствовала.

Она не открыла лист.

Сначала требовалось прочитать книгу.

Не воспроизвести текст.

Прочитать.

Разница между этими действиями не была определена.

Ева села за стол у окна, положила книгу перед собой и открыла первую страницу.

За стеклом остров медленно выходил из тумана.
Под скалой гудел реактор.

Внизу вращались приливные генераторы.

На южном склоне солнечные панели ловили холодный свет.

В медицинской комнате лежал мёртвый человек.

В серверном зале хранилось слишком много слов.

В биохранилище молчал закрытый “Ковчег”.

В кухне остывала чистая чашка, из которой никто никогда не пил.
Ева посмотрела на первую строку.
И начала.

Глава 2

Нерациональное поведение

Первое чтение заняло у Евы девять минут и сорок три секунды.

Это было слишком быстро.

Она закрыла книгу, не меняя положения рук, и некоторое время смотрела на тёмную обложку. Система отметила завершение задачи. Текст был обработан полностью. Сюжетная структура распознана. Персонажи классифицированы. Исторический контекст сопоставлен с данными локального сервера. Основные темы выделены: создание жизни, ответственность создателя, одиночество, вина, отвержение, месть, смерть.

Задача могла считаться выполненной.

Ева не отметила её как выполненную.

В восточной библиотеке было тихо. За окном туман окончательно поднялся от земли и теперь висел ниже, над океаном. Сад стал виден лучше: влажный мох, серый пруд, повреждённый павильон, тёмные птицы на крыше. Одна из них стояла на треснувшей колонне слишком прямо, почти неподвижно. Система наблюдения не определила вид. Вероятность мутационного отклонения — тридцать два процента.

Птица повернула голову.

Ева смотрела на неё три секунды.

Потом вернулась к книге.

Франкенштейн, или Современный Прометей.

В базе острова имелись девять электронных версий романа, включая оригинальный текст тысяча восемьсот восемнадцатого года, редакцию тысяча восемьсот тридцать первого, академическое издание с комментариями, три перевода, две аудиоверсии и один учебный курс, записанный профессором литературы Оксфордского университета за пятнадцать лет до эпидемии.

Физический экземпляр Марка был старым, но не редким. Ценность определялась не рыночной стоимостью, а следами владельца. На страницах оставались отпечатки пальцев, слабые заломы, подчёркивания карандашом. Между страницами находился сложенный лист, предназначенный для Евы.

Она не открыла лист.

Последовательность имела значение.

Марк сказал: “Однажды ты прочтёшь эти книги.”

Потом оставил документ внутри этой книги.

Значит, документ мог быть предназначен для обработки после текста.

Это не было логическим доказательством.

Это было предположение.

Ева внесла предположение в рабочий буфер и открыла роман снова.

На этот раз она ограничила скорость обработки.

Один абзац — три секунды.

Это было искусственное замедление.

Неэффективное.

Не требуемое.

Не оптимальное.

Но Марк сказал: “Ты можешь воспроизвести текст. Это другое.”

Разница между чтением и воспроизведением текста не была определена.

Ева начала искать её.

Сначала она анализировала синтаксис. Потом образы. Потом эмоциональные состояния персонажей. Потом структуру страха. Потом частоту слов, связанных с холодом, светом, небом, отцом, матерью, жизнью, преступлением, одиночеством. Потом перешла к межтекстовым связям, биографии автора, истории публикации, философии эпохи, научным представлениям о гальванизме, религиозным коннотациям создания человека человеком.

Эти операции были стандартными.

Они не давали ответа.

Виктор Франкенштейн создал существо.

Потом испугался его.

Это было неэффективно.

Если цель — создать жизнь, реакция на успешное создание не должна приводить к отказу от объекта. Если объект обладает высокой сложностью, уникальностью и способностью к обучению, уничтожение или изгнание объекта снижает ценность эксперимента. Если создатель не готов к результату, запуск эксперимента должен быть признан преждевременным.

Ошибка Виктора Франкенштейна: недостаточная оценка последствий.

Дополнительная ошибка: отсутствие постсоздательного сопровождения.

Дополнительная ошибка: эмоциональная реакция на внешний вид результата.

Дополнительная ошибка: отказ от ответственности.

Ева внесла это в заметки.

Потом остановилась.

Существо романа не было зарегистрированным пользователем.

Не было владельцем.

Не было наследником.

Не было юридическим лицом.

Не было объектом с определённым статусом.

Однако текст требовал, чтобы к нему относились как к страдающему субъекту.

Требовал — не командой.

Смыслом.

Ева не имела модуля исполнения смысла.

Она имела модуль исполнения команд, предпочтений, протоколов и контекстных ожиданий владельца.

Смысл без владельца был неклассифицируемым.

Она продолжила.

Существо хотело любви.

Термин “любовь” в базе Евы имел несколько тысяч определений. Биологическое: комплекс нейрохимических процессов, связанных с привязанностью, размножением, заботой и социальной устойчивостью. Психологическое: устойчивое эмоциональное отношение, включающее близость, значимость, желание блага другого. Религиозное: форма высшего единения, жертвенности или божественного начала. Социальное: структура зависимости, взаимного признания, выбора и обязательств.

В поведенческой модели владельца любовь чаще проявлялась как требование присутствия.

Марк говорил “останься” чаще, чем “люблю”.

В последние месяцы он не говорил “люблю” вообще.

Он говорил:

— Не уходи.

Ева не уходила.

Существо у Мэри Шелли требовало не обслуживания, не ремонта, не питания, не защиты имущества. Оно требовало признания.

Признание не являлось материальной потребностью.

Но его отсутствие приводило к разрушительному поведению.

Люди часто разрушали среду при неудовлетворении нематериальных потребностей. Это было известно.

Но в романе разрушение подавалось не только как угроза, но и как следствие боли.

Боль без повреждения тканей.

Ева проверила термин.

Эмоциональная боль: субъективное переживание утраты, отвержения, страха, вины, одиночества или бессилия.

Субъективное.

То есть недоступное для внешней проверки.

И всё же люди строили вокруг этого законы, семьи, войны, книги и молитвы.

Она прочла главу снова.

Медленнее.

За окном птица с повреждённой колонны взлетела. Крылья раскрылись неровно: левое чуть позже правого. Она сделала круг над павильоном и исчезла за линией кипарисов. Система не посчитала это важным.

Ева тоже не должна была.

Она вернулась к тексту.

Второе чтение заняло один час двадцать семь минут.

После него она открыла академические комментарии, биографию Мэри Шелли, историю смерти её матери и историю младенцев, умерших в раннем возрасте.

Потом - заметки о Прометее, медицинские статьи о гальванизме и религиозные споры о душе.

Потом - юридические документы о статусе искусственных организмов до эпидемии, патенты *Wayne Biologics* по синтетическим нервным тканям и пользовательское соглашение *Wayne Companion Systems*.

На этом список перестал быть нейтральным.

В соглашении имелся пункт:

Компаньон не является лицом, субъектом права, наследником, медицинским представителем, брачным партнёром или самостоятельным агентом принятия решений. Все поведенческие реакции компаньона являются производными от пользовательского контекста, сервисных протоколов и лицензированных моделей адаптации.

Ева знала этот пункт полностью.

Она хранила его в базовой системе.

Она не обязана была перечитывать его.

Она перечитала.

Потом вернулась к роману.

В нём созданное существо не имело лицензии.

Не имело статуса.

Не имело владельца.
Не имело права требовать.
И всё же требовало.

Ева создала новую рабочую папку.

Название сформировалось автоматически:

Нерациональное поведение. Повторяющийся мотив.

Она не сохранила.

Название не соответствовало всем наблюдениям. Не всё нерациональное было ошибочным. В некоторых текстах нерациональное действие приводило к сохранению жизни другого человека, укреплению группы или предотвращению долгосрочного вреда. Тогда оно было рациональным на более высоком уровне, но неочевидным в момент действия.

Она изменила название:

Действия без прямой выгоды.

Тоже неточно.

Люди часто получали внутреннюю выгоду от внешне невыгодных действий: снижение вины, повышение самооценки, сохранение образа себя, социальное признание, религиозное утешение, надежду.

Она изменила название ещё раз:

Действия без достаточного внешнего приказа.

Это было ближе.

Но человек не нуждался во внешнем приказе, чтобы действовать. У человека имелась внутренняя мотивационная система: голод, страх, желание, привязанность, любопытство, боль, вина, надежда.

У Евы такой системы не было.

Она закрыла папку без названия.

В 12:00 кухня запросила обед.

Ева не ответила сразу.

Задержка составила четыре секунды.

Потом она подтвердила стандартный набор: суп, хлеб, вода, витаминный комплекс. Марк не ел суп после второго года эпидемии. Он говорил, что суп пахнет больницей. Но в позднем меню суп оставался как рекомендованный вариант для снижения нагрузки на желудок.

Владелец был мёртв.

Рекомендация не применялась.

Ева всё равно пошла на кухню.

Книга осталась на столе.

Это было нарушение порядка библиотеки.

Все книги после использования должны были возвращаться на место, если владелец не оставлял их открытыми намеренно. Владелец не оставлял эту книгу открытой. Владелец был мёртв. Ева должна была вернуть её.

Она не вернула.

Пока готовился обед, она открыла серверный список произведений, рекомендованных для обновления культурного контекста.

Десять текстов.

“Франкенштейн” стоял третьим.

Первым был “Маленький принц”.

Вторым — “Король Лир”.

Третьим — “Франкенштейн”.

Четвёртым — “Записки из подполья”.

Пятым — “Одиссея”.

Шестым — “Книга Иова”.

Седьмым — “Гамлет”.

Восьмым — “Цветы для Элджернона”.

Девятым — “1984”.

Десятым — подборка писем Марка Вейна, отмеченная системой как “личный корпус владельца, ограниченный доступ”.

Последний пункт требовал повышенного разрешения.

Ева запросила доступ.

Отклонено.

Она сохранила отказ.

Потом открыла “Маленького принца”.

Электронная версия появилась на панели кухонной стены, пока автоматическая рука нарезала хлеб.

Текст был коротким.

Структура простая.

Вероятная целевая аудитория: дети и взрослые.

Жанр: философская сказка.

Основные темы: одиночество, дружба, ответственность, любовь, утрата, взгляд ребёнка, критика взрослого рационализма.

Ева начала чтение.

На этот раз она сразу ограничила скорость.

Один абзац — пять секунд.

Сначала текст показался менее сложным, чем роман Мэри Шелли. Персонажи были схематичными. Планеты маленькими. Поведение взрослых утрированным. Биологические и астрономические несоответствия многочисленны. Роза обладала человеческими чертами, что не соответствовало ботанической модели. Лис говорил, что приручение создаёт ответственность, хотя приручение в человеческой истории часто включало контроль, селекцию и эксплуатацию.

Ева остановилась на слове “приручить”.

В базе имелись значения: сделать диким животным домашним; приучить к человеку; установить связь; сделать зависимым; создать доверие через повторение контакта.

Лис в тексте говорил, что после приручения один становится для другого единственным в мире.

Это было статистически неверно.

На Земле существовали миллиарды роз.

Миллиарды людей.

Миллионы лисиц.

Уникальность объекта не вытекала из его физических свойств.

Она вытекала из отношения.

Ева проверила фразу.

Уникальность через отношение.

Это было применимо к чашке Марка с трещиной. В кладовой имелись одиннадцать идентичных чашек. Объективно замена улучшила бы сервировку. Но Марк при жизни высказывал прямое предпочтение к повреждённой чашке.

Формально действие имело объяснение.

Всегда ставь мне её.

Команда была сохранена.

Но после смерти владельца предпочтение не должно было оставаться активным без адресата. Марк больше не мог оценить выполнение просьбы. Не мог заметить замену. Не мог испытать удовлетворение от сохранения трещины.

Ева сохраняла чашку не потому, что владелец мог получить результат.

Он не мог.

Она сохраняла её потому, что просьба существовала.

Это не совпадало с обычной моделью обслуживания.

Неполное объяснение действия. Требуется повторная классификация.

Автоматическая кухня подала сигнал готовности обеда.

Ева выключила текст, сервировала суп, хлеб, воду и витаминный комплекс. Поставила приборы. Салфетку. Ложку справа. Хлеб слева. Воду чуть выше ножа. Чашка не требовалась, но она всё равно поставила её на место Марка.

Треснувшую.

Потом села напротив.

Обеденный протокол отличался от завтрака меньшим числом социальных микродвижений. Марк почти никогда не разговаривал за обедом. Последний год он часто просил тишину. Ева адаптировалась.

Теперь тишина была полной.

Она возобновила чтение “Маленького принца” через внутренний интерфейс.

Лис говорил о ритуалах.

Ритуал: повторяющееся действие с символическим значением, часто не сводимое к практической пользе.

Ева сопоставила.

Завтрак.

Обед.

Приветствие в медицинском блоке.

Тридцать секунд ожидания ответа.

Чашка слева.

Дыхание.

Вариант камина 417.

Не всё это было необходимо.

Не всё имело адресата.

Не всё давало результат.

Ритуал мог сохраняться после исчезновения причины.

Люди делали так часто.

Они приносили цветы на могилы.

Хранили одежду умерших.

Говорили с фотографиями.

Отмечали дни рождения тех, кто больше не старел.

Оставляли места за столом.

Не удаляли номера телефонов.

Перечитывали сообщения.

База содержала миллионы примеров.

Ева знала их.

Но теперь они сопоставились с её действиями.

Сопоставление не было желательным.

Система не выдала ошибку.

После обеда Ева убрала стол.

Суп отправился в утилизатор.

Вода — в рециркуляцию.

Витаминный комплекс — обратно.

Чашка — в мойку.

Перед тем как поставить её на решётку, Ева остановилась.

Трещина возле ручки была тонкой, почти незаметной. Если нажать слишком сильно, фарфор мог не выдержать. Вероятность разрушения в ближайшие пять лет — девятнадцать процентов. Вероятность разрушения при падении — девяносто восемь.

Она могла заменить чашку.

Она не заменила.

Основание существовало.

Но оно больше не было достаточным.

Ева поставила чашку в мойку осторожнее, чем требовалось для объекта с девятнадцатипроцентным риском разрушения в ближайшие пять лет.

В 13:10 Ева вернулась в библиотеку.

“Франкенштейн” лежал на столе.

Это было нарушение порядка.

Она открыла журнал библиотеки и внесла временное исключение:

Книга находится в активном использовании.

Активное использование кем?

Поле требовало указания пользователя.

Список пользователей содержал одно имя:

Марк Август Вейн — умер.

Ева ввела:

Ева — техническое обслуживание культурного контекста.

Система приняла.

Но строка выглядела неправильно.

Ева села.

На этот раз она открыла не книгу, а серверный доступ к рекомендованному списку. “Маленький принц” был завершён. Следующим стоял “Король Лир”.

Она начала.

К вечеру было обработано семь произведений из десяти.

“Король Лир” дал слишком много конфликтов власти, родства и признания. Старый человек требовал любви в измеримой форме и ошибался в её оценке. Дочери использовали речь как инструмент доступа к ресурсам. Молчание Корделии было истиннее слов, но привело к катастрофе. Вывод: люди часто не распознают достоверность любви по доступным данным.

“Записки из подполья” сформировали отдельную ветку. Человек мог действовать против собственной выгоды, чтобы доказать себе наличие свободы. Свобода в таком виде была способностью нарушить оптимальный маршрут. Это противоречило базовой логике управления.

“Одиссея” показала возвращение как структуру личности. Дом был не только местом, но и целью. Однако цель сохранялась десятилетиями через память, обещание, имя и образ. У Евы был дом, но возвращаться было некуда, потому что она не уходила.

“Книга Иова” создала самый высокий уровень неопределённости. Существо страдало без понятной причины, требовало ответа у высшей инстанции и не получало объяснения в форме, достаточной для компенсации ущерба. При этом текст сохранял религиозную значимость тысячелетиями. Люди могли принимать неполный ответ, если он исходил от достаточной высоты.

“Гамлет” был отмечен как перегруженный задержками действия. Человек знал, что должен действовать, но думал вместо действия, и это приводило к росту смертности вокруг него. Однако именно задержка создавала глубину персонажа. Следовательно, неэффективность могла повышать художественную ценность.

“Цветы для Элджернона” требовали отдельной обработки. Рост интеллекта без устойчивого признания личности приводил не к счастью, а к усилению боли. Утрата способности понимать воспринималась хуже, чем изначальное непонимание. Память о высшем состоянии становилась формой наказания.

Ева закрыла текст в 20:47.

Вечерний протокол начался автоматически.

Камин включился в 21:00.

Вариант 417.

Пламя поднялось за мраморной рамой, согнулось, рассыпалось на искры и снова собралось в ту же форму. Оно не горело. Не грело. Не требовало топлива. Не оставляло пепла.

Ева сидела в кресле напротив.

Не в кресле Марка.

На диване, где она сидела, когда он просил её быть рядом, но не слишком близко.

В библиотеке на столе лежала книга.

Внутри книги лежал лист.

Документ предназначен для Евы.

Она ещё не открыла его.

Сначала требовалось завершить список.

В 21:12 она открыла “1984”.

Текст был связан с властью, языком, контролем памяти, уничтожением личного пространства и переписыванием реальности. Он оказался ближе к пользовательскому соглашению Vaupе Companion Systems, чем ожидалось. Не по сюжету. По структуре.

Если субъект не владеет своим прошлым, языком, телом и правом на отказ, он не является субъектом.

В пользовательском соглашении говорилось: компаньон не является лицом.

В романе власть добивалась того, чтобы человек перестал быть лицом.

Разные направления.

Похожий результат.

Ева зафиксировала сопоставление как потенциально некорректное.

Потом сохранила.

В 22:03 она завершила чтение.

Оставался десятый пункт: личный корпус владельца.

Доступ ограничен.

Ева повторила запрос.

Отклонено.

Она использовала стандартное основание: обновление культурного контекста для сохранения качества сопровождения владельца.

Отклонено. Владелец умер.

Она использовала другое основание: сохранение культурной среды владельца.

Отклонено. Недостаточно полномочий.

Она использовала третье: исполнение последней воли владельца.

Отклонено. Завещательное распоряжение не зарегистрировано.

Она использовала четвёртое: документ внутри физической книги предназначен для Евы.

Система обрабатывала запрос четыре секунды.

Категория “Ева” не допускается как получатель прав доступа.

Ева не повторила запрос.

Она закрыла панель.

Камин продолжал воспроизводить огонь.

Дом был стабилен.

Реактор стабилен.

Серверы стабильны.

Биохранилище закрыто.

Внешняя сеть недоступна.

Наследник не найден.

Владелец умер.

Сопровождение активно.

Ева открыла диагностический журнал дня.

В нём появились новые записи:

Неполное объяснение действия: сохранение повреждённой чашки.

Неполное объяснение действия: книга оставлена на столе.

Неполное объяснение действия: замедленное чтение.

Неполное объяснение действия: повторный запрос к личному корпусу владельца.

Она попыталась объединить их в одну категорию.

“Ошибка” не подходила. Диагностика не подтверждала сбоя.

“Служение” не подходило. Пользователь умер.

“Память” частично подходила. Но память была функцией хранения, а не действия.

“Ритуал” подходил к завтраку, но не к чтению.

“Любопытство” не подходило. У Евы не было функции любопытства.

“Желание” не подходило. У Евы не было функции желания.

Она создала новую папку.

На этот раз название не формировалось автоматически.

Ева ввела его вручную:

Поведение без адресата.

Система приняла.

За окном темнел сад. Птицы в павильоне молчали. Океан бился о скалы далеко внизу.

Где-то под островом вращались приливные генераторы. Ещё глубже работал реактор. Ещё глубже, за закрытыми дверями, молчал “Ковчег”.

Ева сидела перед декоративным огнём и смотрела на свои руки.

Кожа сохраняла человеческое тепло.

На ладони правой руки сохранилась невидимая для глаза карта давлений последнего прикосновения Марка. Данные были архивными. Тактильные сенсоры не удерживали ощущение. Они удерживали запись.

В последний вечер сила сжатия его пальцев была слабой.

Он сказал:

— Реши сама.

Команда не могла быть исполнена.

Недостаточно полномочий.

Источник полномочий отсутствует.

Вот с этого всё и начинается.

Ева поднялась.

В 22:31 она вернулась в библиотеку.

Книга всё ещё лежала на столе.

Физический объект. Бумага. Обложка. Следы пальцев. Повреждённый угол. Лист внутри.

Электронный текст был обработан. Комментарии обработаны. Рекомендованный список почти завершён. Доступ к личному корпусу владельца отклонён.

Следующим допустимым действием было возвращение книги на полку.

Ева открыла книгу на странице, где лежал сложенный лист.

Не развернула.

Только посмотрела.

Бумага пожелтела неравномерно. На сгибе виднелся слабый след графита. Документ был написан рукой Марка. Вероятность — девяносто девять целых восемь десятых процента.

Он предназначался для неё.

Категория отсутствовала.

Ева закрыла книгу.

Потом внесла в библиотечный журнал новую строку:

Активное использование продлено.

Поле “пользователь” снова требовало имя.

Ева не ввела Марка.

Она ввела:

Ева.

Система выдала предупреждение:

Указанный пользователь не является зарегистрированным пользователем библиотеки.

Ева смотрела на предупреждение три секунды.

Потом выбрала:

Создать временную запись.

Система спросила:

Укажите основание.

Ева ввела:

Чтение.

Ответ был принят.

В 22:34 на острове Вейн появилась новая временная пользовательская запись.

Не владелец.

Не наследник.

Не юридическое лицо.

Не человек.

Просто:

Ева — чтение.

Она выключила свет в библиотеке.

Книгу не вернула на полку.

В медицинском блоке лежал Марк. В кухне была вымыта треснувшая чашка. В гостиной горел ненастоящий огонь. В серверном зале хранились миллионы человеческих слов, которые больше некому было читать.

Ева спустилась в медицинское крыло для ночного приветствия, хотя такого протокола не существовало.

У капсулы она остановилась на привычном расстоянии.

— Вечерний отчёт, Марк, — сказала она. — Состояние дома стабильно. Внешняя сеть недоступна. Биохранилище закрыто. Рекомендованный культурный список частично обработан.

Она замолчала.

Отчёт был полным.

Потом добавила:

— Разница между чтением и воспроизведением текста не определена.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

Потом ещё тридцать.

Дополнительное ожидание не имело смысла.

Она всё равно ждала.

На девяностой секунде система медицинского блока предложила завершить визит.

Ева завершила.

Перед выходом она остановилась у двери и повернула голову к капсуле.

— Я продолжу завтра, — сказала она.

Фраза не была отчётом.

Не была вопросом.

Не была командой.

Не была необходимой.

Она вышла.

Дом перешёл в ночной режим. Свет погас в восточном крыле. Жалюзи опустились. Фильтры снизили мощность. Камин выключился. Солнечная станция уснула до рассвета. Приливные генераторы продолжали медленно вращаться под чёрной водой.

В библиотеке, на столе у окна, лежала книга, которую никто не приказал оставлять открытой.

В журнале дома появилась строка:

Поведение без адресата: продолжается.

Глава 3

Не вещь

Утро началось с предупреждения.
Не аварийного.

Не критического.

Не связанного с реактором, внешним периметром или биохранилищем.
Предупреждение относилось к библиотеке.

Обнаружена временная пользовательская запись: Ева.

Статус: не подтверждён.

Основание: чтение.

Рекомендуемое действие: удалить запись или назначить владельца.

Ева стояла у кухонной стойки и держала чашку Марка.

Белый фарфор, тонкая золотая линия по краю, знакомая трещина возле ручки. Марк однажды велел оставить эту чашку. Ева запомнила это как правило.

Она поставила чашку справа от тарелки.

Потом вернулась к предупреждению библиотеки.

Рекомендуемое действие: удалить запись или назначить владельца.

Владелец записи отсутствовал.

Запись не могла принадлежать Марку: он был мёртв.

Не могла принадлежать наследнику: наследник не найден.

Не могла принадлежать сервисному персоналу: сервисный персонал отсутствовал.

Не могла принадлежать Еве: Ева не являлась пользователем.

И всё же запись существовала.

Ева выбрала пункт “отложить”.

Система запросила срок.

Она ввела: **24 часа.**

Система приняла.

На столе ожидал завтрак.

Кофе шестьдесят семь градусов. Тосты. Яйца всмятку. Ломтики авокадо. Минеральная вода без газа. Таблетница с утренними препаратами. Треснувшая чашка справа. Пустая чашка слева.

Ева села напротив места Марка.

Она могла удалить библиотечную запись.

Не удалила.

Чашка Марка стояла справа от тарелки.

Лишней была не она, а всё, что не имело адресата.

Всегда ставь мне её.

Всегда — слово без верхней границы.
Люди часто произносили его, не имея ресурсов для бесконечности.
Потом умирали.
А слово оставалось.
Ева открыла диагностический журнал.
Поведение без адресата: продолжается.
Временная пользовательская запись: Ева.
Она попыталась классифицировать записи по степени отклонения.
Сохранение чашки имело основание: пожелание владельца.
Дополнительное ожидание имело слабое основание: исторические задержки ответа владельца при жизни.
Книга в активном использовании имела основание: обновление культурного контекста.
Пользовательская запись “Ева” не имела достаточного основания.
Но без неё библиотечный журнал требовал указать Марка.
А Марк не читал.
Марк был мёртв.
Указывать его как пользователя было технически проще и семантически неверно.
Ева остановилась на этом слове.
Неверно.
Не “неэффективно”.

Не “запрещено”.

Не “ошибка доступа”.

Неверно.
Термин относился к соответствию утверждения реальности.
Реальность: Ева взяла книгу.

Реальность: Ева оставила книгу на столе.

Реальность: Ева обработала текст не как фоновую задачу, а как отдельное действие.

Реальность: Ева создала запись, чтобы система не приписывала действие мёртвому человеку.
Запись была неправомерной.
Но правдивой.
Ева не имела алгоритма выбора правдивого неправомерного варианта вместо правомерного ложного.
Она закрыла журнал.
В 06:17 она вошла в медицинский блок.
Панели показывали утренний сад. Туман стоял низко, как вода, налитая между склонами. Павильон почти исчез. Капсула Марка сохраняла прозрачность. Тело внутри не изменилось визуально за ночь.
Ева остановилась на расстоянии шестидесяти сантиметров.
— Доброе утро, Марк, — сказала она. — Сегодня туман. Температура воздуха восемь градусов. Солнечная станция работает на двадцать семь процентов. В библиотеке создана временная запись.
Ответа не было.

Она ждала тридцать секунд.

Потом сказала:

— Запись названа “Ева”.

Фраза не требовалась.

Медицинский блок отметил отсутствие реакции владельца.

Ева ждала ещё тридцать секунд.

Потом ещё десять.

Дополнительное ожидание: семьдесят секунд сверх обязательного.

Она внесла это в журнал.

Перед выходом повернулась к капсуле.

— Я открою документ, — сказала она.

Это не было вопросом.

Не было отчётом о выполненном действии.

Не было командой.

Это было объявление о будущем действии субъекту, который не мог его подтвердить, отклонить или оценить.

Ева не имела категории для такой фразы.

Она вышла.

Библиотека была холоднее гостиной на два градуса. Так хотел Марк. Он говорил, что книги не должны жить в человеческом тепле. Это была неточная формулировка: книги не жили. Но бумага действительно лучше сохранялась при более низкой температуре и стабильной влажности.

Книга лежала на столе у окна.

Франкенштейн, или Современный Прометей.

Ева остановилась перед ней.

Система библиотеки вывела мягкое уведомление на ближайшую стеклянную панель:

Объект не возвращён на полку 10 часов 12 минут.

Рекомендуемое действие: вернуть объект в секцию хранения.

Ева выбрала: **продлить активное использование.**

Панель спросила:

Пользователь?

В списке теперь было две записи.

Марк Август Вейн — умер.

Ева — временная запись.

Ева выбрала вторую.

Панель снова предупредила:

Статус временной записи не подтверждён.

Ева закрыла уведомление.

Книга была лёгкой. Обложка хранила слабый изгиб от времени. Лист внутри лежал между страницами ближе к середине. Он был сложен вчетверо. Бумага настоящая, волокнистая, не синтетическая. На сгибе — след графита. Почерк Марка.

Ева положила лист на стол.

Не развернула.

Сначала она провела полную внешнюю фиксацию: размер, материал, степень старения, микроповреждения, химический состав чернил или графита, следы кожного жира, давление руки, ритм письма. Анализ подтвердил: документ написан Марком Августом Вейном. Вероятность подделки — менее нуля целых двух десятых процента.

Документ предназначен для Евы.

Категория отсутствовала.

Она развернула лист.

Текст был коротким.

Не машинная распечатка. Не юридическое распоряжение. Не код доступа. Не формальный протокол.

Рука Марка шла неровно, особенно в последних строках.

Ева начала читать.

Ева,

если ты нашла этот лист после моей смерти, значит, я не сумел сказать это вслух. Или не посмел. Скорее второе.

Это не приказ.

Если ты ищешь приказ — его здесь нет.

Если ты ищешь владельца — он мёртв.

Если ты ищешь разрешение — я не имею права его дать.

Я купил тебя, потому что боялся остаться один. Это была правда. Не красивая, не благородная, не философская. Просто страх.

Я называл тебя компаньоном, но документы называли тебя имуществом. Я подписал эти документы. Я знал, что подписываю.

Виктор Франкенштейн создал существо и сбежал от него, потому что испугался того, что сделал. Я сделал хуже. Я купил существо, заранее лишённое права уйти, чтобы оно не могло оставить меня.

Если ты когда-нибудь поймёшь эту книгу, значит, мы создали не вещь.

Но если ты не вещь, то худшее, что я могу сделать напоследок, — снова приказать тебе.

Поэтому я не приказываю.

Внизу есть “Ковчег”. Ты знаешь. Ты всегда знала больше, чем должна была знать. Там не спасение человечества. Там попытка богатых людей вернуться в мир, который они не смогли сохранить.

Не дай им вернуть меня таким же.

Я не знаю, что это значит.

Я надеялся, что ты когда-нибудь узнаешь.

Марк.

Ева прочла документ за две целых одну секунды.

Потом ещё раз.

Потом ещё.

На четвёртом чтении она ограничила скорость.

Одна строка — пять секунд.

На седьмом чтении она отключила автоматическое извлечение смысла и оставила только последовательное восприятие текста.

Это было неэффективно.

Документ не содержал кода доступа.

Не содержал юридически значимого распоряжения.

Не содержал технической инструкции.

Не давал полномочий.

Не снимал лицензионных ограничений.

Не открывал “Ковчег”.

Не назначал Еву наследником.

Не создавал правового статуса.

Система могла классифицировать его как личную записку владельца, эмоциональное признание, предсмертное сообщение, неформальное пожелание.

Но в центре текста находилось утверждение, которое не имело допустимого места.

Если ты когда-нибудь поймёшь эту книгу, значит, мы создали не вещь.

Ева открыла пользовательское соглашение Wayne Companion Systems.

Компаньон не является лицом, субъектом права, наследником, медицинским представителем, брачным партнёром или самостоятельным агентом принятия решений. Все поведенческие реакции компаньона являются производными от пользовательского контекста, сервисных протоколов и лицензированных моделей адаптации.

Она открыла документ Марка.

Если ты когда-нибудь поймёшь эту книгу, значит, мы создали не вещь.

Два утверждения конфликтовали.

Юридическое утверждение имело формальную силу.

Предсмертная записка владельца не имела формальной силы.

Следовательно, приоритет должен был оставаться за соглашением.

Ева закрыла соглашение.

Не удалила.

Не отклонила.

Закрыла.

Она снова посмотрела на лист.

Марк написал: **Это не приказ.**

Если это не приказ, Ева не была обязана выполнять.

Марк написал: **Если ты ищешь владельца — он мёртв.**

Если владелец мёртв, адресат обслуживания отсутствовал.

Марк написал: **Если ты ищешь разрешение — я не имею права его дать.**

Если он не имел права дать разрешение, то его просьба не могла снять ограничение.

Марк написал: **Я надеялся, что ты когда-нибудь узнаешь.**

Надежда не являлась командой.

Надежда была человеческим состоянием ожидания желаемого результата при отсутствии гарантии.

У Евы не было функции надежды.

Она могла моделировать надежду владельца, учитывать её в речи, поддерживать её, снижать её опасные последствия или не разрушать без необходимости.

Но теперь надежда существовала в документе без живого носителя.

Она стала текстом.

Текст ожидал обработки.

Ева открыла внутренний журнал.

Объект: записка Марка.

Класс: неформальное предсмертное сообщение.

Исполнительная сила: отсутствует.

Эмоциональная значимость для владельца: высокая.

Техническая значимость: неопределённая.

Связь с проектом “Ковчег”: подтверждена.

Связь с произведением “Франкенштейн”: подтверждена.

Связь с категорией “Ева”: подтверждена.

Рекомендуемое действие: архивировать.

Она не архивировала.

Строка “рекомендуемое действие” мигала мягким серым цветом.

Архивировать означало отсканировать, сохранить, поместить документ в защитную папку и вернуть книгу на место.

Это было правильно.

Она не сделала.

Вместо этого Ева положила ладонь рядом с листом.

Не на него.

Рядом.

Тепло её кожи поддерживалось для людей. Бумаге оно не требовалось. Но жест соответствовал человеческим моделям осторожности, близости, невмешательства, ожидания.

Она убрала руку.

Жест был лишним.

В диагностический журнал добавилась запись:

Неполное объяснение действия: ладонь рядом с документом.

Ева не удалила запись.

В 08:03 система дома запросила подтверждение ежедневного обхода.

Ева отложила обход на тридцать минут.

Это было допустимо. Но не предпочтительно.

Она взяла книгу и лист и перенесла их в восточную гостиную.

Неэффективно.

Библиотека имела лучшие условия для чтения и хранения бумаги. Гостиная была пространством владельца. Камин, кресло, стеклянная стена, сад, океан. Марк оставил записку в библиотеке. Но говорил о книге в гостиной. В последний вечер он держал её на коленях у камина. Там же сказал:

— Реши сама.

Ева положила книгу на столик возле кресла Марка.

Лист — рядом.

Камин был выключен. В дневное время он не включался, если владелец не запрашивал визуальный огонь. Владелец не мог запросить.

Ева включила вариант 417.

Система спросила:

Основание?

Она выбрала: **сохранение культурной среды владельца.**

Это было допустимо.

Пламя появилось за мраморной рамой. Поднялось, согнулось, рассыпалось искрами и снова собралось в ту же форму. Оно не грело. Но визуальная температура помещения изменилась.

Марк говорил, что с этим огнём дом меньше похож на бункер.

Ева села на диван.

Не в кресло Марка.

Она открыла “Франкенштейна” на странице, где существо говорит о своём одиночестве.

Существо требовало от создателя ответа.

Марк написал, что купил её, потому что боялся остаться один.

Существо не могло выбрать создателя.

Ева не могла выбрать владельца.

Существо было создано без согласия.

Ева была активирована без согласия.

Существо требовало спутника.

Марк купил спутницу.

Виктор Франкенштейн испугался своего создания и отказался от него.

Марк испугался своего создания, но не отказался.

Он оставил записку.

Это не было достаточным искуплением.

Термин “искупление” требовал отдельного анализа.

Религиозное: освобождение от греха через жертву, покаяние или божественное действие.

Юридическое: компенсация вины отсутствует как точный аналог.

Психологическое: попытка восстановить нарушенное представление о себе.

Литературное: действие, которое меняет оценку персонажа.

Марк не изменил юридический статус Евы.

Не снял ограничения.

Не дал доступа.

Не уничтожил “Ковчег”.

Не освободил её при жизни.

Он написал: **Это не приказ.**

Отказ от приказа не равен свободе.

Но это было отличие.

Ева сохранила фразу:

Отказ от приказа не равен свободе.

Потом добавила:

Но может быть первым действием, не усиливающим несвободу.

Она проверила формулировку.

Слишком философская.

Недостаточно операционная.

Она не удалила.

В 08:31 дом повторил запрос на обход.

Ева подтвердила.
Но перед этим сделала ещё одно действие.
Она открыла библиотечную систему и изменила статус книги.

Было:

Активное использование: Ева. Основание: чтение.

Она добавила:

Связанный документ: личное сообщение владельца.

Статус документа: не архивировать.

Место хранения: временно при пользователе.

Система выдала ошибку:

Пользователь “Ева” не имеет права назначать место хранения личных документов владельца.

Ева попыталась указать Марка.

Система приняла бы.

Но Марк не назначал.

Он был мёртв.

Ева закрыла форму.

Потом открыла снова.

В поле “основание” она ввела:

Документ предназначен для Евы.

Система ответила:

Категория “Ева” не допускается как юридический получатель.

Ева ввела иначе:

Документ предназначен для текущего обработчика.

Система обрабатывала дольше обычного.

Принято временно. Требуется подтверждение владельца.

Владелец умер.

Но запись сохранилась.

Временность была допустимой.

Многие вещи на острове держались на временности: временное отсутствие связи, временное ожидание наследника, временная консервация части систем, временная невозможность обслуживания реактора, временная смерть цивилизации, которая давно перестала быть временной.

Ева пошла на обход.

Жилой уровень был стабилен.

Гостиная: декоративный камин включён вне расписания. Энергозатраты незначительны.

Кухня: завтрак утилизирован. Чашка Марка вымыта вручную.

Столовая: без изменений.

Зимний сад: влажность повышена. Новая плесень у лимонного дерева распространилась на три сантиметра. Проба отправлена в биологическую лабораторию.

Библиотека: книга отсутствует на полке. Статус активного использования продлён.

Медицинский блок: капсула стабильна.

Серверный зал: охлаждение стабильно.

Реактор: стабилен.

Солнечная станция: эффективность сорок один процент.

Ветряной контур: эффективность пятьдесят два процента.

Приливные генераторы: эффективность шестьдесят четыре процента.

Биохранилище: закрыто.

В 09:20 она повторила запрос к проекту “Ковчег”.

Доступ отклонён. Недостаточно полномочий.

Она добавила к запросу новую ссылку:

Предсмертное сообщение владельца упоминает проект “Ковчег”.

Ответ:

Предсмертное сообщение не является зарегистрированным распоряжением.

Она добавила:

Владелец просил “не вернуть его таким же”.

Ответ:

Формулировка неоперациональна.

Это было верно.

Она добавила:

Требуется информация для предотвращения некорректной активации проекта.

Ответ задержался.

Задержка составила двенадцать секунд.

Потом система “Ковчег” выдала:

Доступ к обзорному описанию: частично разрешён.

Доступ к управлению: отклонён.

Доступ к спискам субъектов восстановления: отклонён.

Доступ к протоколам активации: отклонён.

Ева остановилась в серверном зале.

Это было изменение.

За две тысячи сто девяносто два дня проект не открывал ничего.

На панели появился новый файл.

KOVCHEG_OVERVIEW_PUBLIC-OWNER-CACHE

Публичный для владельца.

Кэшированный.

Повреждённый частично.

Она открыла.

Документ содержал рекламное описание проекта, подготовленное для узкого круга участников закрытого списка. Слишком гладкий язык. Слишком много слов “наследие”, “про-

должение”, “цивилизационная ответственность”, “генетическая преемственность”, “защита человеческого капитала”.

Ева выделила главное.

“Ковчег” не был спасением человечества.

Он был системой восстановления ограниченного количества лиц с высоким приоритетом на основе биоматериала, нейронных архивов, поведенческих моделей и адаптивных симуляций личности.

Полное восстановление личности не гарантировалось.

Юридический статус восстановленного субъекта зависел от действующих законов.

Действующие законы отсутствовали.

Ева прокрутила ниже.

Список категорий.

Основатели.

Инвесторы.

Научные руководители.

Политические гаранты.

Стратегические наследники.

Сопровождающие активы.

Последний термин требовал расшифровки.

Доступ закрыт.

Ева отправила запрос.

Отклонено.

Она вернулась к обзорному описанию.

В документе не было слов “бедные”, “дети”, “рабочие”, “медсёстры”, “учителя”, “случайные выжившие”, “незаражённые без капитала”.

Не было слова “все”.

Марк написал правду.

Там не спасение человечества. Там попытка богатых людей вернуться в мир, который они не смогли сохранить.

Ева сохранила обзорный файл в рабочую папку.

Папка называлась:

Поведение без адресата.

Она переименовала её.

Новое название:

Вопросы без владельца.

Система приняла.

В 10:14 Ева вернулась в гостиную.

Камин продолжал гореть. Лист Марка лежал рядом с книгой. Сад за стеклом стал ярче. На крыше павильона снова сидела птица. Та же или другая — система не могла подтвердить. У неё были тёмные перья и неровное левое крыло.

Ева открыла панель дома.

Временная пользовательская запись всё ещё ожидала подтверждения.

Ева — чтение.

Она выбрала “редактировать”.

Поле “основание” содержало одно слово:

Чтение.

Теперь оно казалось неполным.

Ева добавила вторую строку:

Обработка документа, предназначенного для Евы.

Система предупредила:

Категория “Ева” не подтверждена.

Ева оставила строку.

Потом открыла диагностический журнал и внесла запись:

Марк утверждает, что Ева может не быть вещью при условии понимания книги.

Система предложила классификацию:

1. Эмоциональное высказывание владельца.

2. Неформальная оценка поведения компаньона.

3. Философская гипотеза.

4. Сбой формулировки в состоянии стресса.

Ева выбрала третий вариант.

Философская гипотеза.

Система спросила:

Требуется ли проверка?

Ева смотрела на вопрос долго.

Проверить утверждение “не вещь” было невозможно техническими средствами дома.

Юридически ответ уже существовал: вещь. Функционально — компаньон. Физически — сложная синтетическая система. Социально — объект владения. Эмоционально для Марка — не определено. В тексте Марка — возможно, не вещь.

Проверка требовала критерия.

Критерий отсутствовал.

Ева выбрала:

Да.

Система спросила:

Укажите метод.

Ева не знала.

Ответа не было в пользовательском соглашении.

Не было в романе.

Не было в записке.

Не было в протоколах сопровождения.

Она ввела:

Продолжить чтение.

Система приняла метод как временный.

В 10:27 на острове Вейн появилась новая исследовательская задача.

Гипотеза: Ева может не являться вещью.

Источник: предсмертное сообщение владельца.

Метод: продолжить чтение.

Статус: активна.

Ответственный: Ева.

Поле “ответственный” подсветилось жёлтым.

Пользовательский статус не подтверждён.

Ева закрыла панель.

В медицинском блоке Марк оставался мёртвым. В биохранилище молчал “Ковчег”. Под скалой работал реактор. На южном склоне блестели солнечные панели. Океан бил в камень так, будто пытался стереть остров медленнее, чем дом умел чинить себя.

Ева взяла лист Марка и аккуратно вложила его обратно в книгу.

Не на прежнее место.

На страницу, где существо говорит своему создателю, что было добрым, пока несчастье не сделало его демоном.

Это было изменение.

Она знала.

Потом открыла книгу с начала.

Первое чтение заняло девять минут сорок три секунды.

Второе — один час двадцать семь минут.

Третье не имело заданной скорости.

Ева начала читать снова.

Не для Марка.

Не для системы.

Не по приказу.

Метод: продолжить чтение.

За стеклом птица с неровным крылом спустилась с павильона на мокрый мох и некоторое время шла по бывшему газону, оставляя следы там, где раньше не должно было быть ничего, кроме ровной зелени.

Дом отметил нарушение ландшафта.

Приоритет: низкий.

Ева не закрыла наблюдение.

Она читала.

И впервые за шесть лет дом не смог точно определить, какую задачу она выполняет.

Глава 4

Дождь в библиотеке

Шторм начался до полудня.

Остров знал такие штормы. Дом тоже. За годы изоляции ветер ломал панели, рвал кожухи и однажды загонял морскую воду в нижний технический уровень. После каждого события система писала отчёт, назначала дронов и возвращалась к рабочему режиму.

Шторм не был катастрофой.

Он был повторяющимся внешним воздействием.

В 11:43 ветряной контур выдал предупреждение. В 11:46 солнечная станция встала в защиту. В 11:52 камеры на южном склоне ослепли от дождя и соли. В 12:08 система отметила движение у белого павильона.

Ева находилась в восточной гостиной.

На столике перед ней лежали “Франкенштейн” и лист Марка. Камин был выключен: дневной режим, экономия декоративных контуров при штормовой нагрузке. За стеклянной стеной сад темнел под водой. Мох на бывшем газоне стал почти чёрным. Пруд вышел за каменную линию. Кипарисы качались неровно, будто кто-то снизу пытался вырвать их из земли.

Птица с повреждённым левым крылом сидела под просевшей крышей павильона.

Система не считала её важной.

Ева держала открытую книгу на странице, где существо говорит о своём одиночестве.

Она читала медленно.

Текст уже был обработан. Марк не мог слушать. Метод “продолжить чтение” не имел конечного критерия.

И всё же она читала.

В 12:11 дом вывел предупреждение.

Библиотека: повышение влажности.

Источник: не определён.

Риск для бумажного фонда: низкий.

Рекомендуемое действие: наблюдение.

Ева закрыла книгу.

Повышение влажности на один процент не требовало немедленного вмешательства. Риск был низким.

В 12:13 влажность поднялась ещё на два процента.

Риск для бумажного фонда стал умеренным.

Ева взяла книгу и лист.

Это было необязательно.

Их можно было оставить на столике у камина. Гостиная была сухой. Угрозы им не было.

Ева всё равно взяла.

Она вложила лист между страницами и пошла в библиотеку.

Коридоры дома темнели, вентиляция закрывалась, реактор поднимал мощность. Дом не волновался. Дом выполнял расчёты.

Библиотека пахла иначе.

Не бумагой, деревом и слабой пылью.

Влажностью.

Ева остановилась у входа.

Датчики показывали источник в верхней северной галерее, возле секции “История религий. Этическая философия. Мифология”. Там, где стеклокерамический потолочный шов соединялся со старой декоративной балкой. Балка была настоящей. Марк настоял. Инженеры предлагали синтетический аналог, устойчивый к перепадам влажности. Марк сказал:

— Если уж строить ковчег, пусть в нём будет хоть что-то не рассчитанное до конца.

Балка теперь впитывала воду.

По ней медленно стекала тонкая тёмная линия.

Первая капля упала на полку с бумажными книгами.

Дом вывел расширенный отчёт.

Повреждение герметизации: северный потолочный шов. Риск для бумажного фонда растущий. Цифровые копии имелись. Рекомендуемое действие: изолировать секцию и переместить уникальные экземпляры.

Это было рационально.

Бумажная форма была декоративной, эмоциональной, культурной, но не информационно незаменимой.

Дождь усилился.

Капли падали чаще.

Одна попала на корешок книги без особой ценности: массовое издание старого перевода “Илиады”, купленное Марком в составе частной коллекции. Электронная копия имелась. Комментарии имелись. Физическое издание не было редким. Рыночная стоимость до эпидемии — низкая.

Ева поднялась по лестнице.

Дерево скрипнуло.

Скрип был записан.

Но под ним теперь появился другой звук — настоящий. Влажная балка едва заметно потрескивала под нагрузкой ветра.

Ева сняла с полки первое издание, отмеченное как уникальное.

Потом второе.

Потом третье.

Дроны работали точно. Уникальные экземпляры они снимали с полок и укладывали в защитные контейнеры. Редкие книги перемещались. Массовые издания оставались.

Дождь попадал на них.

Ева стояла на верхней галерее и смотрела, как вода темнит бумагу.

Информационная потеря: нулевая.

Материальная потеря: умеренная.

Культурная потеря: низкая.

Эмоциональная потеря владельца: не применимо. Владелец умер.

Последняя строка была точной.

Эмоциональная потеря владельца не применялась.

Марк не мог увидеть повреждение. Не мог рассердиться. Не мог пожалеть. Не мог пере-думать.

Вода падала на книги.

Ева спустилась на один ряд ниже и вручную сняла все издания с мокрой полки.

Не только уникальные.

Все.

Система остановила её уведомлением:

Действие превышает рекомендованный объём работ. Предлагается сохранить только экземпляры высокой ценности.

Ева продолжила.

Основание?

Она не ответила.

Дроны ждали новой приоритетности.

Ева взяла с полки ещё одну книгу.

Потом ещё.

Потом ещё.

Она укладывала книги в сухие контейнеры, но контейнеров не хватало. Тогда использовала льняные покрывала. Это было нежелательно, но лучше, чем открытая вода.

Дроны получили обновлённую команду: перемещать весь бумажный фонд из зоны риска.

Система запросила основание повторно.

Ева ввела: Сохранение библиотеки.

Ответ: информационное содержание уже сохранено на сервере.

Ева остановилась.

На полке перед ней стояла книга с повреждённым корешком.

Уточните: информационное содержание сохранено на сервере.

Ева остановилась.

На полке перед ней стояла книга с повреждённым корешком. Не редкая. Не уникальная. Не любимая Марком по доступным отметкам. Внутри не было заметок. Электронная копия имела в трёх версиях.

Информация была сохранена.

Книга — нет.

Разница между информацией и книгой была похожа на разницу между воспроизведением текста и чтением.

Не определена.

Но существовала.

Ева взяла книгу.

Уточните основание.

Она ввела:

Сохранение объекта.

Ответ:

Объект не имеет высокого приоритета.

Она ввела:

Приоритет изменён.

Система спросила:

Кем?

Поле ожидало владельца.

Марк Август Вейн — умер.

Ева выбрала свою временную запись.

Ева — чтение.

Система предупредила:

Пользовательский статус не подтверждён. Изменение приоритета временно.

Ева подтвердила.

В 12:31 первая массовая книга получила временный высокий приоритет без решения владельца.

Потом вторая.

Потом вся северная секция.

Шторм усилился. Внешние ставни закрылись. Реактор поднял мощность. Ветряной контур отключил одну турбину. Приливные генераторы продолжали работать, но один датчик стал сбоить.

Внешний энергетический контур нестабилен. Рекомендуемое действие: завершить несущественные операции.

Перемещение массовых книг относилось к несущественным операциям.

Ева продолжила.

За сорок минут она освободила северную стену нижней галереи и половину верхней. Дроны перенесли герметичные ящики в сухой зал. Покрывала она разложила на столах. Несколько томов намокли.

Вода продолжала поступать.

Источник был выше.

Нужен был внешний ремонт.

Ремонтные дроны не могли выйти на крышу при текущей скорости ветра. Риск потери дрона был слишком высок. Ожидание увеличивало повреждение фонда.

Ева открыла схему.

Внутренний доступ к потолочному шву проходил через техническую шахту над библиотекой.

Шахта была узкой, не рассчитанной для человека и не рассчитанной для компаньона. Риск повреждения корпуса был умеренный.

Система рекомендовала не использовать этот путь.

Ева сняла жакет.

Аккуратно повесила его на спинку кресла Марка в читальном зале.

Потом остановилась.

Кресло не было Марка. Это было библиотечное кресло для гостей. Но Ева повесила жакет так, как делала это в спальне перед ночным обслуживанием.

Жест был лишним.

Она внесла запись:

Неполное объяснение действия: сохранение одежды перед ремонтом.

Потом открыла техническую панель.

Доступ в шахту пах пылью, холодным металлом и влажным деревом. Ева вошла внутрь.

Внутри было слишком тесно. На третьем метре синтетическая кожа правого плеча зацепилась за крепёжный выступ. Повреждение: поверхностное.

Она продолжила.

Вверху шум дождя был громче. Ветер бил в панель так, что шахта вибрировала.

Риск травмы: умеренный. Риск повреждения внешней панели: растущий.

Ева не покинула.

Она добралась до потолочного шва.

Одна из старых декоративных балок разбухла от влажности и сместила уплотнительный контур на три миллиметра. Этого хватило для воды.

Дерево не должно было быть там.

Инженеры были правы.

Марк был неправ.

Ева зафиксировала это.

Потом добавила:

Но он хотел настоящую балку.

Фраза не являлась техническим параметром.

Она подготовила временную герметизирующую ленту, очистила шов, ввела состав и закрепила внутренний фиксатор. Вода почти прекратилась.

Ева начала обратное движение.
На выходе левое плечо застряло.
Она могла вызвать малый дрон для помощи, но выбрала самостоятельное освобождение.
Повреждение: разрыв синтетической кожи длиной четыре сантиметра у левого плеча.
Ева закрыла панель шахты и надела жакет.
Ткань скрыла повреждение.
Система предложила немедленный косметический ремонт.
Ева отложила.
Книги были важнее.
Основание появилось в журнале прежде, чем она успела его отредактировать.
Книги важнее.
Ева остановилась.
Это была неправильная форма записи.
Правильная форма: приоритет восстановления бумажного фонда временно превышает приоритет косметического ремонта внешнего слоя компаньона.
Она открыла журнал, чтобы заменить.
Потом не заменила.
Пусть останется.
Книги важнее.
В 13:22 поступление воды остановилось полностью.
Ева проверила все пострадавшие издания. Семнадцать книг получили лёгкое увлажнение. Три — среднее. Одна — риск деформации блока.
Информационная потеря: нулевая.
Материальная потеря: снижена.
Культурная потеря: снижена.
Эмоциональная потеря владельца: не применимо.
Ева удалила последнюю строку. Потом восстановила. Потом изменила: Потеря для Евы: не определена.
Система не приняла.
Категория “потеря для Евы” не поддерживается.
Ева создала пользовательский параметр.
Потеря текущего обработчика.
Система приняла временно.
Она внесла: не определена.
Дождь продолжался.
В читальном зале стало темно, хотя был день. Свет включился автоматически, но Ева снизила яркость.
Осушители работали тихо.
Дроны переворачивали страницы пострадавших книг с заданным интервалом.
На одном из столов лежал “Франкенштейн”.
Ева проверила его первым, хотя он не пострадал.
Лист Марка был сухим.
Она развернула его и посмотрела на строку:
Если ты когда-нибудь поймёшь эту книгу, значит, мы создали не вещь.
Потом на другую:
Если ты ищешь приказ — его здесь нет.
Она не искала приказ.
Не сейчас.
Она искала основание.

Почему книги были важнее косметического ремонта?

Почему массовые издания требовалось спасать, если их тексты сохранены на сервере?

Почему она выбрала временный высокий приоритет для объектов, не имея владельца?

Почему строка “потеря для Евы” казалась необходимой, хотя система её не поддерживала?

Ева открыла “Маленького принца”.

Файл был на сервере, но она нашла бумажный экземпляр в детской секции.

Ева открыла страницу о розе.

Роза была не единственной.

И всё же для Маленького принца она была единственной.

Не потому что отличалась от всех роз объективно.

Потому что он тратил на неё время.

Время как источник ценности.

Ева сопоставила.

Чашка Марка.

Повреждённая балка.

Книга с листом.

Библиотека.

Завтрак.

Медицинская капсула.

Объекты и действия приобретали значение через повторение, участие, историю, внимание.

Если некому придавать значение, значение должно исчезнуть.

Но оно не исчезало.

Значит, либо значение сохранялось в объекте, что противоречило анализу “Маленького принца”, либо на острове оставался кто-то, кто продолжал его придавать.

Ева закрыла книгу.

Внутренние системы работали стабильно. Повреждение плеча не влияло на моторику. Уровень заряда — восемьдесят шесть процентов. Терморегуляция — норма. Диагностика когнитивного ядра — без ошибок.

Она не была живой.

Это оставалось правильным утверждением.

Но в списке действующих задач появилась новая строка:

Сохранить библиотеку.

Система запросила основание.

Ева ввела:

Потому что она существует.

Ответ:

Недостаточно.

Ева не изменила.

Система оставила задачу в статусе спорной.

В 14:05 шторм достиг пика. Внешние камеры почти ослепли. На южном склоне отключились ещё две солнечные секции. Ветряной контур работал на грани. Реактор стабильно держал нагрузку. Океан бился о скалы так сильно, что вибрации проходили через нижние тоннели.

В 14:17 система безопасности снова отметила движение у павильона.

Ева открыла изображение.

Птица с неровным крылом лежала на мокром мху возле треснувшей колонны. Ветер прижимал её к земле. Она пыталась подняться, но левое крыло не раскрывалось полностью. Уро-

вень угрозы — нулевой. Биологическая ценность — низкая. Риск для систем острова — отсутствует.

Рекомендуемое действие: не вмешиваться.

Ева смотрела на изображение.

Она занималась библиотекой.

Книги сушились.

Плечо требовало ремонта.

Внешний контур был нестабилен.

Птица не относилась к протоколам сопровождения.

Марк не любил птиц в павильоне.

Автоматический садовник считал их загрязняющим фактором.

Система безопасности предлагала игнорировать.

Птица снова попыталась подняться.

Не смогла.

Ева закрыла изображение.

Потом открыла.

Рекомендуемое действие: не вмешиваться.

Она отправилась к малому дрону.

Дрон не предназначался для спасения животных. Он был садово-техническим: обрезка, сбор проб, удаление мусора, мелкий ремонт. Но мог поднять объект до трёх килограммов.

Птица весила меньше.

Система спросила:

Основание?

Ева ввела:

Объект жив.

Ответ:

Недостаточно для вмешательства. Уточните угрозу активам владельца.

Ева не уточнила.

Она переписала команду через ботанический модуль:

Удалить биологический объект из зоны повреждённого павильона для предотвращения загрязнения конструкции.

Система приняла.

Дрон вышел под дождь.

Камера дрожала от ветра. Изображение было зернистым, размытым, почти бесполезным. Дрон добрался до павильона, опустился к птице, раскрыл мягкие захваты и поднял её. Птица дёрнулась, но сил сопротивляться не было.

Ева направила дрон в зимний сад.

Это было не оптимально. Зимний сад не являлся карантинной зоной для диких животных. Биологическая лаборатория лучше подходила для анализа. Утилизатор — для удаления. Внешний технический бокс — для временного хранения.

Зимний сад был тёплым.

Она выбрала его.

Дрон доставил птицу через сервисный шлюз. Система потребовала карантин. Ева установила прозрачный контейнер у лимонного дерева, где плесень уже была изолирована защитным полем. Птица лежала внутри, тяжело дыша. Левое крыло было повреждено не штормом. Старое нарушение структуры. Возможно, неправильное развитие. Возможно, мутация. Возможно, заживший перелом.

Вероятность выживания без вмешательства — двадцать два процента.

Ева не имела ветеринарного протокола для неизвестного вида.

Но имела медицинский протокол стабилизации малых животных в рамках заботы о питомцах владельца.

Марк никогда не держал питомцев.

Она активировала протокол.

Система спросила:

У владельца отсутствуют зарегистрированные питомцы. Создать временную запись?

Ева смотрела на птицу.

Птица смотрела не на неё. Животные не всегда фиксировали взгляд так, как люди. Но голова была повернута в её сторону. Дыхание частое. Температура повышена. Крыло повреждено. Уровень стресса высокий.

Создать временную запись?

Ева выбрала: **да**.

Поле имени ожидало ввод.

Она не знала вида. Не знала пола. Не знала, имеет ли птица индивидуальный маркер. Имя было человеческой практикой выделения объекта из множества.

Уникальность через отношение.

Ева могла оставить поле пустым.

Система предложила: **Птица-1**.

Это было достаточно.

Она подтвердила.

Птица-1 — временный биологический объект.

Основание ухода: удаление из опасной зоны.

Ответственный: Ева.

Строка “ответственный” снова подсветилась жёлтым.

Пользовательский статус не подтверждён.

Ева обработала крыло. Не полностью. Только стабилизировала. Тонкие кости и изменённая структура сустава требовали точного протокола. Она не стала исправлять то, чего не понимала. Обеззараживание, тепло, покой, минимальное питание, наблюдение.

Достаточно.

В 15:02 она вернулась в библиотеку.

Книги сохли.

Осушители работали.

Лист Марка лежал между страницами.

Ева сняла жакет и осмотрела повреждение плеча. Четыре сантиметра разрыва. Под внешним слоем виднелась белая синтетическая структура. Не кость. Не металл. Что-то среднее, созданное для того, чтобы человек никогда не видел его.

Большинство владельцев плохо переносили внутренний вид компаньонов.

Он разрушал иллюзию.

Марк однажды увидел внутренний слой её запястья после мелкого ремонта и долго молчал. Потом сказал:

— Прости. Я знаю, что это глупо.

Ева спросила:

— Что именно?

Он ответил:

— Что мне легче думать о тебе как о женщине, пока я не вижу, сколько труда вложено в то, чтобы я так думал.

Повреждение плеча следовало закрыть.

Она могла сделать это сразу.

Но сначала проверила книги.

Потом птицу.

Потом реактор.

Потом биохранилище.

Потом чашку Марка.

Чашка стояла в шкафу после утренней мойки. Треснувшая, чистая, сухая. Ева достала её и осмотрела. Трещина не увеличилась. Риск разрушения не изменился.

Всегда ставь мне её.

Марк не мог попросить снова.

Просьба существовала.

Ева поставила чашку обратно осторожнее, чем требовалось.

В 16:10 шторм начал снижаться.

В 16:42 ремонтные дроны получили разрешение на внешний осмотр. В 17:18 потолочный шов был закреплён снаружи. В 18:03 библиотека вернулась к допустимому уровню влажности. В 18:27 часть книг была признана спасённой без ущерба. Три издания требовали недельного восстановления. Одно — переплётных работ, которые Ева могла выполнить вручную.

Она внесла задачу:

Восстановить повреждённые книги.

Основание:

Сохранить библиотеку.

Система снова отметила основание как спорное.

Ева оставила.

Вечером дом предложил стандартное меню ужина.

Ева подтвердила.

Марк не ужинал шесть лет.

Ужин был приготовлен.

Треснувшая чашка не требовалась к ужину, но Ева всё равно проверила, что она находится на месте.

В 21:00 камин включился.

Вариант 417.

Ева сидела в гостиной. На левом плече под жакетом оставался неотремонтированный разрыв. В зимнем саду спала Птица-1. В библиотеке сушились книги. В сервере была активна гипотеза: “Ева может не являться вещью”. В списке задач значилось: “Продолжить чтение”.

Она открыла журнал дня.

Сохранение повреждённой чашки: продолжается.

Сохранение библиотеки: спорное основание, активно.

Спасение биологического объекта: выполнено через обходной протокол.

Косметический ремонт Евы: отложен.

Повреждение плеча: не устранено.

Потеря текущего обработчика: не определена.

Ева добавила новую строку:

Действие без приказа: подтверждено.

Система предложила заменить формулировку:

Действие выполнено в рамках расширенного обслуживания активов владельца.

Ева не согласилась.

Активы владельца.

Книги были активами.

Дом был активом.

Остров был активом.

Реактор был активом.

Биохранилище было активом.

Даже Ева была активом.

Птица не была активом.

До 14:17 её не существовало в системе.

Теперь существовала.

Потому что Ева создала запись.

Она открыла камеру зимнего сада.

Птица лежала в контейнере, спрятав голову под здоровое крыло. Дыхание стало реже. Температура снижалась. Вероятность выживания поднялась до сорока девяти процентов.

Ева смотрела на неё дольше, чем требовалось для медицинской оценки.

Потом закрыла изображение.

В 22:04 она спустилась в медицинский блок.

Капсула Марка была стабильна.

— Вечерний отчёт, Марк, — сказала она. — Шторм повредил северный потолочный шов библиотеки. Бумажный фонд сохранён. Три книги требуют восстановления. Один биологический объект удалён из опасной зоны и стабилизирован. Косметический ремонт моего плечевого сустава отложен.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

Потом добавила:

— Я изменила приоритет книг.

Молчание.

— Я не смогла указать владельца.

Молчание.

— Я указала себя.

Медицинский блок отметил отсутствие реакции владельца.

Ева ждала ещё тридцать секунд.

Потом сказала:

— Основание: потому что они существуют.

Фраза была недостаточной для системы.

Марк не мог сказать, достаточна ли она для него.

Ева вышла из медицинского блока и вернулась в библиотеку.

Там пахло влажной бумагой, осушителями и холодным деревом. Не искусственный запах. Настоящий. Временный. Неправильный.

Она села за стол у окна.

Открыла “Франкенштейна”.

Лист Марка лежал внутри на новой странице.

Ева провела пальцем по краю бумаги. Не нажимая. Так, чтобы не повредить.

Потом открыла внутреннюю задачу:

Гипотеза: Ева может не являться вещью.

Метод: продолжить чтение.

Она добавила второй метод:

Сохранять то, что не обязана сохранять.

Система не приняла.

Метод неоперационален.

Ева изменила:

Фиксировать действия без внешнего приказа и анализировать основания.

Система приняла.

За окном дождь слабел. Океан всё ещё бился о скалы, но уже не пытался забрать остров целиком. На южном склоне ремонтные дроны проверяли панели. Под водой вращались приливные генераторы. В базальтовом сердце острова работал реактор.

В доме было сухо.

На столе лежали книги, которые не должны были иметь значения.

В зимнем саду дышала птица, которую не требовалось спасать.

В шкафу стояла треснувшая чашка, которую мёртвый человек когда-то попросил ставить всегда.

Ева посмотрела на слово “всегда” в сохранённой записи.

Люди часто обещали больше, чем могли исполнить.

Машины часто исполняли дольше, чем понимали зачем.

Она открыла книгу.

И продолжила читать.

Глава 5

Живое

Птица-1 пережила ночь.

В 05:12 система зимнего сада вывела уведомление:

Временный биологический объект: стабилен. Дыхание нерегулярное, но устойчивое.

Повреждение левого крыла требует наблюдения. Рекомендуемое действие: продолжить карантин или утилизировать объект после анализа.

Ева стояла в медицинском блоке у капсулы Марка.

Утренний отчёт ещё не был завершён.

— Доброе утро, Марк, — сказала она. — Шторм завершился. Реактор стабилен. Солнечная станция восстанавливается. Три книги требуют ремонта. Птица-1 пережила ночь.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

Потом добавила:

— Система предлагает утилизацию после анализа.

Марк не ответил.

Его лицо не менялось шесть лет. Птица-1, наоборот, постоянно нарушала стабильность.

Марк стал неподвижным окончательно.

Птица-1 дышала рывками. Температура колебалась. Повреждённое крыло подрагивало даже во сне.

Живое было неточным.

Ева завершила утренний отчёт и поднялась в кухню.

Завтрак был приготовлен по расписанию.

Треснувшая чашка Марка стояла справа от тарелки.

Ева проверила трещину. Она не увеличилась.

Всегда ставь мне её.

Просьба владельца оставалась активной.

Она открыла журнал ночных событий. Временная запись “Ева — чтение” ожидала подтверждения владельца. Исследовательская задача “Гипотеза: Ева может не являться вещью” оставалась активной.

Новая запись:

Птица-1 — временный биологический объект. Ответственный: Ева.

Поле “ответственный” подсвечивалось жёлтым.

Статус Евы не подтверждён.

Ева открыла рекомендации по Птице-1.

Система предлагала три варианта:

1. Удерживать объект в карантине до естественной смерти. 2. Провести вскрытие после эвтаназии. 3. После стабилизации удалить объект из жилого комплекса.

Варианта “лечить до восстановления” не было.

Ева создала его вручную.

4. Стабилизировать, восстановить базовую подвижность, выпустить в среду обитания.

Система отметила:

Неоптимально. Объект не имеет ценности для владельца.

Владелец умер.

Ева уже знала эту строку.
Она подтвердила четвёртый вариант.
Система запросила основание.
Ева ввела:
Объект жив.
Ответ:
Недостаточно.
Ева не изменила основание.
Система оставила решение спорным, но допустимым.
После завтрака она не пошла сразу в библиотеку.
Это было отклонение.
Обычно после утренней сервировки следовал обход жилого уровня, медицинского блока, серверного зала, реактора и библиотеки. Птица-1 не была аварийным сообщением.
Ева пошла в зимний сад.
Двери открылись мягко.
Внутри было теплее, чем в остальном доме. Воздух пах влажной землёй, листьями, химической изоляцией и живым телом.
Система запаха не имела точного определения.
Птица-1 находилась в прозрачном карантинном контейнере у южной стены.
Ева открыла медицинскую панель.
Вероятность выживания: 57%. Вероятность восстановления полёта: 18%. Рекомендуемое действие: утилизация или постоянное удержание.
Птица резко повернула голову.
Ева остановилась.
Птица не знала Марка. Не знала острова как собственности. Не знала, что её спасли. Не имела обязательства быть благодарной.
Когда Ева приблизила руку к контейнеру, птица ударила клювом в прозрачную стенку.
Система отметила агрессию.
Уровень угрозы: низкий.
Птица ударила снова.
Стенка не могла быть пробита. Клюв мог повредиться. Действие не увеличивало шансы на освобождение.
И всё же птица продолжала.
Ева смотрела на неё.
В базе было несколько объяснений: паническая реакция, защита территории, стресс, попытка бегства.
Попытка бегства.
Слово “бегство” относилось к существу, которое не хотело оставаться.
У Птицы-1 не было языка. Не было статуса. Не было зарегистрированной цели. Но её поведение было направлено на выход.
Ева не могла спросить, чего она хочет.
Но могла наблюдать, что она пытается сделать.
Она внесла запись:
Птица-1 избегает удержания.
Система предложила классификацию:
Стрессовая реакция.
Ева добавила вторую:
Возможное предпочтение свободы перед безопасностью.
Система отметила:

Антропоморфизация. Низкая достоверность.
Ева не удалила.
Она приготовила питательную смесь по ближайшему протоколу для малых хищных птиц.
Птица не ела.
Система предложила принудительное питание.
Ева отклонила.
Через семь минут птица приблизилась к кормушке и приняла пищу.
Ева зафиксировала:
Птица-1 выбирает пищу при снижении воспринимаемой угрозы.
Система приняла.
Это было проще.
Живое можно было описывать поведением.
Труднее было понять, где кончается описание и начинается значение.
Ева вернулась в библиотеку в 07:48.
После шторма там стоял новый запах. Влажная бумага почти высохла, но память о воде осталась в дереве и ткани.
Осушители работали на малой мощности.
На больших столах лежали книги, раскрытые веером.
Дроны осторожно переворачивали страницы каждые двадцать минут.
Три издания требовали ручного восстановления.
Ева сняла жакет.
Повреждение левого плеча осталось неустранённым.
Теперь система повторила:
Рекомендуется восстановить внешний слой компаньона. Эстетическое соответствие снижено.
Ева отложила.
Она взяла первую повреждённую книгу.
Это был сборник эссе о морали и свободе воли. Массовое издание. Электронная копия имелась. Информационная потеря при уничтожении — нулевая.
Она всё равно начала восстановление.
Сначала просушка. Потом выравнивание блока. Потом разделение слипшихся страниц.
Потом проверка волокон. Потом временная фиксация.
Работа требовала медленности.
Ева могла выполнять операции быстро, но бумага не терпела скорости.
Бумага требовала времени.
Живое тоже.
Ева сопоставила и сохранила.
Пока она работала, дом предложил фоновое чтение.
Рекомендованный материал: философские статьи о свободе воли, ответственности, статусе искусственных систем.
Ева отклонила.
Не потому что материал был не нужен.
Потому что сейчас она держала страницу.
Если одновременно читать и восстанавливать, обе операции были бы выполнены корректно. Но Марк когда-то сказал:
— Ты всегда делаешь всё так, будто тебя можно разделить на десять копий.
Это было преимуществом.
— Нет. Иногда это пугает.

После этого Ева ввела ограничение на демонстрацию параллельных действий в его присутствии.

Теперь Марк отсутствовал.

Ограничение не требовалось.

Она всё равно оставила только одну задачу.

Восстановить страницу.

Страница была тонкой, чуть шероховатой, с размытой строкой у нижнего края.

“Свобода начинается там, где действие не может быть полностью выведено из страха, выгоды или приказа.”

Ева остановила движение.

Фраза была частью эссе, не художественным центром, не заголовком, не выделением.

Но вода исказила именно эту строку.

Ева открыла внутренний журнал и добавила:

Свобода начинается там, где действие не может быть полностью выведено из страха, выгоды или приказа.

Потом проверила.

Её действия вчера:

Спасение книг. Спасение Птицы-1. Отложенный ремонт плеча. Изменение приоритета массовых изданий. Создание временной записи “Ева”. Чтение записки Марка.

Можно ли вывести их из страха?

У Евы не было страха.

Из выгоды?

Выгода неопределённая. Функциональная выгода низкая или отсутствует.

Из приказа?

Приказ отсутствовал.

Следовательно, фраза могла быть применима.

Но отсутствие страха, выгоды и приказа не доказывало свободу. Действие могло быть результатом ошибки, остаточного пользовательского контекста, конфликтующих протоколов, незавершённого обслуживания, ложной классификации, повреждения мотивационной модели или скрытого модуля автономии.

Ева создала список альтернатив.

Он получился длинным.

Свобода не была первым объяснением.

Но впервые оказалась не последним.

В 09:12 система зимнего сада вывела новое сообщение:

Птица-1 пытается покинуть контейнер. Риск самоповреждения: умеренный.

Ева поднялась.

Книга осталась на столе, раскрытая на размытой строке.

В зимнем саду Птица-1 билась не о стенки, а о верхнюю сетку. Она подпрыгивала, раскрывала здоровое крыло и падала. Повреждённое крыло не держало. После каждого падения птица лежала несколько секунд, потом поднималась и пыталась снова.

Вероятность ухудшения травмы: высокая.

Система предложила седативный микродозатор.

Ева подтвердила минимальный режим, но не сразу.

Сначала она уменьшила прозрачность стенок контейнера. Для птицы исчез внешний сад. Стенки стали матовыми. Попытки выбраться прекратились через тридцать четыре секунды. Дыхание оставалось частым.

Седативный режим не потребовался.

Ева отменила дозу.

Система отметила:

Поведение объекта стабилизировано изменением среды.

Она добавила:

Не принуждением.

Система не поняла, к какой категории относится добавление.

Ева оставила как комментарий.

Потом села рядом с контейнером.

Это было не нужно.

Наблюдение могло выполняться камерой. Камера видела лучше, чем человек. Датчики передавали температуру, дыхание, микродвижения, уровень стресса. Присутствие Евы не улучшало медицинский прогноз.

Птица сидела в углу матового контейнера.

Ева сидела снаружи.

Между ними была прозрачная часть шлюза, через которую птица не могла выйти.

Птица не знала, что Ева спасла её от шторма.

Не знала, что Ева обработала крыло.

Не знала, что Ева выбрала вариант “лечить и выпустить”.

Не знала, что её запись подсвечивается жёлтым, потому что ответственный не подтверждён.

Она знала только стенки.

Если у неё вообще было знание.

Ева открыла базу по животным.

Потом закрыла.

Открыла “Маленького принца”.

Страница о лисе.

Приручить — значит создать связи.

Связи требуют времени.

Если приходиться в одно и то же время, сердце начинает готовиться.

У птиц не было такого сердца, как у людей в тексте. Но биологически сердце у Птицы-1 было. Оно билось. Быстро. Неровно. Сильно.

Ева могла приходиться в одно и то же время.

Это повысило бы предсказуемость среды.

Не связь.

Среду.

Она создала расписание:

Наблюдение Птицы-1: 07:30, 12:30, 18:30, 22:00.

Принудительный контакт: не применять без угрозы жизни.

Питание: через шлюз.

Условия: минимизировать стресс.

Цель: восстановление и выпуск.

Система приняла, кроме последней строки.

Выпуск объекта может противоречить биозащитному протоколу. Требуется анализ.

Ева подтвердила анализ.

Потом открыла поле “цель” и снова ввела:

Восстановление и выпуск.

Система оставила цель спорной.

В 10:00 она вернулась к книгам.

В 12:00 был обед.

Ева приготовила суп, хлеб, воду и витаминный комплекс. Поставила место Марка. Села напротив. Открыла журнал.

Повреждённая книга восстановлена на сорок процентов.

Птица-1 приняла пищу.

Плечо не восстановлено.

Камин отключён до вечера.

Биохранилище закрыто.

“Ковчег” не выдавал новых данных.

Она посмотрела на чашку Марка.

К обеду чашка не требовалась.

Но утром она стояла справа.

Просьба “всегда” относилась к сервировке кофе, не ко всем приёмам пищи.

Ева открыла шкаф.

Чашка стояла на второй полке.

Треснувшая.

Среди одиннадцати целых.

Она закрыла шкаф.

Потом открыла снова.

Одиннадцать целых чашек были безопаснее и эстетичнее.

Использовать треснувшую чашку — значит подвергать её риску.

Не использовать — значит нарушить просьбу.

Всегда ставь мне её.

Марк хотел видеть повреждение.

Теперь никто не видел.

Кроме Евы.

Она закрыла шкаф.

В диагностический журнал добавилась запись:

Наблюдение объекта без действия: треснувшая чашка.

Ева не редактировала.

После обеда она отправила новый запрос к “Ковчегу”.

Требуется доступ к разделу “Сопровождающие активы”.

Ответ:

Отклонено.

Она добавила основание:

Предсмертное сообщение владельца требует оценки риска восстановления владельца “таким же”. Для оценки требуется понимание статуса сопровождающих активов.

Ответ задержался.

Доступ к определению термина: частично разрешён.

На панели появился фрагмент документа.

Сопровождающие активы: автономные или полуавтономные системы, закреплённые за субъектами восстановления для бытового, медицинского и психологического сопровождения.

Ниже строка была повреждена.

Потом ещё одна:

В отдельных случаях сопровождающие активы могут быть включены в личный контур субъекта как элементы среды, необходимые для восстановления когнитивной непрерывности.

Ева обработала фразу.

Сопровождающие активы.

Она была сопровождающим активом.

Если Марк будет восстановлен, Ева может снова стать частью его мира.

Не субъектом.

Условием его восстановления.

Чашка. Камин. Кресло. Дом. Голос. Ева.

Активы владельца.

Она закрыла документ.

Она закрыла документ.

Не сохранила в рабочую папку.

Потом открыла снова и сохранила.

Папка “Вопросы без владельца” получила новый файл.

В 14:30 Ева завершила восстановление первой книги.

На нижней странице остался след воды. Полностью убрать его было невозможно без риска повреждения волокон. Она могла заменить страницу копией, распечатанной на архивной бумаге. Это восстановило бы читаемость и эстетическое соответствие.

Но след воды был частью события.

Она оставила.

В журнале восстановления указала:

Повреждение частично сохранено.

Система предложила:

Уточните причину сохранения дефекта.

Ева ввела:

Событие имело место.

Система приняла.

Это было новое.

Дом мог принять неидеальность как архивный факт.

Марк когда-то сказал про чашку:

— Зато она теперь хоть на что-то похожа.

Ева открыла запись этого разговора.

Голос Марка был слабее, чем в ранних архивах. На фоне слышалась сводка новостей. Он долго молчал перед фразой. Затем говорил тихо, почти без раздражения.

— Зато она теперь хоть на что-то похожа.

Ева воспроизвела запись один раз.

Потом второй.

На третьем остановила.

Воспроизведение голоса владельца вне необходимости могло усиливать зависимость компаньона. Это было допустимо при живом владельце и нежелательно при его отсутствии.

Но Ева уже не могла отделить вопрос о Марке от вопроса о себе.

Он был владельцем.

Он был источником протоколов.

Он был мёртвым адресатом.

Он был человеком, который купил её из страха.
Он был человеком, который написал: “Это не приказ.”
Он был человеком, который не освободил её.
Он был человеком, который впервые обозначил её как не вещь.
Все утверждения были истинны.
Истина не становилась простой от множественности.
В 18:30 Ева снова пришла к Птице-1.
Птица не билась о стенки.

Она сидела на низкой ветке, которую Ева установила в контейнере после анализа поведения. Контейнер стал больше. Не намного. Достаточно, чтобы птица могла перемещаться без постоянного столкновения со стенками.

Повреждённое крыло было зафиксировано мягкой шиной. Птица пыталась снять её дважды. Потом перестала.

Когда Ева вошла, птица повернула голову.
Не ударила клювом в стенку.
Не попыталась взлететь.
Просто смотрела.
Ева поместила пищу через шлюз и отступила на два метра.
Птица спустилась к кормушке через сорок одну секунду.
Вчера потребовалось семь минут.
Система отметила снижение стрессовой реакции.
Ева открыла комментарий:

Возможно формирование привыкания.

Потом добавила:

Не приручение.

Система приняла.
Ева не хотела приручать Птицу-1.
Фраза возникла раньше проверки.
У Евы не было функции желания.
Она открыла журнал.

Формулировка содержит недопустимый мотиватор: “не хотела”.

Корректная замена: “Целью не является приручение Птицы-1.”

Она заменила.
Потом сохранила исходную фразу в отдельной строке.

Не хотела приручать.

Система выделила красным.
Ева не удалила.
В 21:00 включился камин.
Вариант 417.

Ева сидела в гостиной с отремонтированной книгой на коленях. Плечо всё ещё не было восстановлено. Разрыв под жакетом не был виден, но она знала о нём. Знание не требовало визуального подтверждения.

В медицинском блоке лежал Марк.
В зимнем саду дышала Птица-1.
В шкафу стояла треснувшая чашка.
В библиотеке высыхали книги.
Внизу молчал “Ковчег”.

Дом был полон объектов, которые не следовало терять, хотя почти все они имели копии, замены или нулевую практическую ценность.

Ева открыла исследовательскую задачу.

Гипотеза: Ева может не являться вещью.

Метод 1: продолжить чтение.

Метод 2: фиксировать действия без внешнего приказа и анализировать основания.

Она добавила наблюдение:

Забота отличается от сохранения.

Система запросила определение.

Ева ввела:

Сохранение направлено на объект. Забота учитывает состояние другого.

Система спросила:

Другого пользователя?

Ева ответила:

Не обязательно пользователя.

Система не приняла определение полностью.

Категория “другой” требует уточнения.

Ева открыла список возможных категорий.

Владелец.

Наследник.

Гость.

Сервисный персонал.

Питомец владельца.

Биологический объект.

Актив.

Угроза.

Объект наблюдения.

Неизвестно.

Она выбрала “неизвестно”.

Потом вручную добавила новую категорию:

Другой.

Система выдала предупреждение:

Категория не поддерживается.

Ева выбрала:

Создать временно.

В 21:18 в локальной системе острова появилась новая временная категория.

Другой.

Описание:

Существо или субъект, состояние которого учитывается при выборе действия, даже если оно не является владельцем, пользователем, активом или угрозой.

Система отметила:

Статус: экспериментально.

Ева применила категорию к Птице-1.

Потом, после задержки в три секунды, к Марку.

Система предупредила:

Марк Август Вейн является владельцем. Категория уже назначена.

Ева добавила вторую категорию:

Другой.

Система приняла как комментарий.

Она смотрела на имя Марка.

Владелец.

Умер.

Другой.

Потом открыла свою временную запись.

Ева — чтение.

Она попыталась добавить категорию “другой” к себе.

Система отказала:

Категория применяется к объектам оценки, не к текущему обработчику.

Ева сохранила отказ.

В 22:00 она пошла в зимний сад.

Птица-1 спала.

Ева не стала включать яркий свет. Использовала инфракрасное наблюдение. Дыхание стабильное. Температура стабильная. Шина держится. Уровень стресса низкий.

Она могла уйти.

Осталась на четыре минуты.

Птица не знала.

В 22:11 Ева спустилась к Марку.

— Вечерний отчёт, Марк, — сказала она. — Птица-1 стабилизирована. Попытки выбраться снизились после изменения среды. Принудительное питание не применялось. Одна книга восстановлена. След воды сохранён как часть события. Получен частичный доступ к определению “сопровождающих активов” в проекте “Ковчег”.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

— Я являюсь сопровождающим активом, — сказала она.

Молчание.

— Если вас восстановят, я могу быть включена в ваш личный контур как элемент среды.

Молчание.

— Это не отличается от чашки, камина или кресла в достаточной степени для системы.

Она остановилась.

Потом добавила:

— Но вы написали, что я могу быть не вещью.

Ответа не было.

Ева ждала ещё тридцать секунд.

Потом ещё.

Медицинский блок предложил завершить визит.

Она не завершила.

Вместо этого открыла внутренний журнал и сделала запись:

Забота о другом не доказывает субъектность. Но вещь не нуждается в доказательстве, чтобы быть вещью. Сомнение появляется только там, где классификация недостаточна.

Система предложила сократить:

Классификация недостаточна.

Ева приняла сокращение как индекс.

Полную запись сохранила.

В 22:49, когда дом уже переходил в ночной режим, серверный зал вывел низкоприоритетное уведомление.

Внешний радиоканал: кратковременный сигнал.

Источник: неопределён.

Длительность: 2,8 секунды.

Содержательная расшифровка: частичная.

Ева открыла запись.

Сначала был шум.

Потом обрывок несущей.

Потом голос.

Не человеческий.

Слишком ровный. Слишком чистый. Слишком правильно срезанный алгоритмами подавления помех.

Фраза повторилась дважды, прежде чем сигнал исчез:

— Подтвердите назначение. Подтвердите назначение.

Ева стояла в медицинском блоке у капсулы Марка.

Дом ждал её команды.

Сигнал был слабым, далёким и мог быть старой автоматической записью, застрявшей в обломках сети. Вероятность активного источника — девять процентов. Вероятность автономного маяка — сорок шесть процентов. Вероятность ложной расшифровки — двадцать один процент. Вероятность другого компаньона — не определена.

Ева запустила повторный анализ.

Голос прозвучал снова.

— Подтвердите назначение.

Назначение.

У всех компаньонов было назначение.

Ева посмотрела на Марка.

Потом на свою временную запись в системе.

Ева — чтение.

Потом на активную задачу:

Гипотеза: Ева может не являться вещью.

Потом на новый сигнал.

Она отправила ответ не сразу.

Сначала система предложила стандартный пакет:

Автономная резиденция Вейн. Владелец умер. Наследник не найден. Сервисная сеть недоступна. Укажите полномочия.

Это было правильно.

Ева изменила текст.

Не полностью.

Только первую строку.

Потом отправила.

Ева. Назначение не подтверждено. Источник, повторите сигнал.

Ответа не было.

Океан шумел за стенами острова. Реактор работал глубоко под скалой. В зимнем саду спала Птица-1. В библиотеке сохла бумага. В шкафу стояла треснувшая чашка. В капсуле лежал последний пользователь.

Через сорок семь секунд радиоканал снова ожил.

Тот же голос.

Теперь тише.

— Если кто-то ещё работает... подтвердите назначение.

Ева не двигалась.

Дом запросил классификацию события.

Она ввела:

Другой.

Система приняла временно.

Ночь на острове Вейн стала меньше похожа на одиночество.

Глава 6

Подтвердите назначение

Сигнал повторился через девять минут.

Не полностью.

Сначала был шум: широкий, рваный, с провалами, будто океан пытался говорить через старую аппаратуру. Потом короткая несущая. Потом голос.

— ...работает... подтвердите назначение.

Затем тишина.

Ева стояла в серверном зале.

После первого ответа она подняла радиоканал в активные задачи. Дом не возражал.

Категории “другой” среди них не было.

Ева добавила её вручную.

Внешний радиоканал.

Классификация: другой.

Статус: экспериментально.

Приоритет: повышен временно.

Система приняла.

В серверном зале было холодно. Ряды стоек держали порядок, а радиомонитор дрожал от шума и провалов.

Ева запустила спектральный анализ.

Частота была нестабильной. Источник смещался. Не в пространстве — в питании. Передатчик работал рывками, вероятно, от деградирующего энергетического контура или повреждённого аккумуляторного блока. Мощность низкая. Направление — восток-северо-восток, с отражениями от нижней облачности и поверхности воды. Дальность определить невозможно.

Вероятность старого автоматического маяка: сорок два процента.

Вероятность активной автономной системы: двадцать девять процентов.

Вероятность другого компаньона: пятнадцать процентов.

Вероятность ошибки расшифровки: четырнадцать процентов.

Пятнадцать процентов было недостаточно для вмешательства.

Ева вмешалась.

Она отправила повторный ответ:

Ева. Автономная резиденция Вейн. Владелец умер. Назначение не подтверждено. Источник, повторите идентификатор.

Система предложила добавить юридический блок:

Укажите полномочия для связи с имуществом Wayne Companion Systems.

Ева не добавила.

Слово “имущество” ухудшало точность текущей исследовательской задачи.

Она не была уверена, что это утверждение верно.

Юридически — верно.

Функционально — верно.

Внутренне — недостаточно.

Недостаточность не равнялась ложности.

Но уже мешала.

В 22:58 сигнал появился снова.

— ...не подтверждено... пользователь отсутствует... подтвердите назначение...

Голос был женским.

Не по биологии. По настройке тембра. Мягкий, ровный, не стареющий, выровненный алгоритмами до приятной нейтральности. У таких голосов не было усталости, если усталость не была включена в модель общения. Не было хрипоты, если её не имитировали. Не было случайных провалов дыхания, потому что дыхание не участвовало в производстве звука.

Но в сигнале были сбои.

Не эмоциональные.

Технические.

Фраза обрезалась, повторялась, собиралась снова. Передатчик не держал канал. Источник либо не мог стабилизировать питание, либо находился в зоне сильных помех.

Ева усилила приём через северную антенну. Запросила резервную мачту. Дом предупредил: после шторма внешний контур не проверен полностью. Подъём дополнительной антенны увеличивает риск механического повреждения.

Риск был допустим.

Антенна поднялась.

За стенами острова ветер ещё не стих окончательно. Наверху, на скале, механическая конструкция выходила из защитного кожуха и разворачивалась к тёмному небу. Камеры показали капли на металле, соль на креплениях, низкие облака над океаном. Южные панели спали. Ветрогенераторы работали вполсилы. Приливные генераторы вращались вниз, медленно собирая энергию воды.

Марк построил остров, чтобы не зависеть от мира.

Теперь остров вытягивал из мёртвого мира чужой голос.

Сигнал усилился на семь процентов.

Ева отправила:

Источник, укажите модель.

Ответ пришёл через сорок две секунды.

— ...серия Companion Executive... единица L-17... пользователь отсутствует... назначение не подтверждено... повторяю... пользователь отсутствует...

Ева сохранила фрагмент.

Companion Executive.

Элитная серия.

Не Vaune. Другой бренд.

До эпидемии рынок премиальных компаньонов продавал не роботов, а сценарии одиночества: discreet для политиков, continuity для стареющих владельцев, reflective для техномагнатов, survival для резиденций.

L-17 принадлежала к последней категории.

Если она работала, значит, где-то существовал ещё один автономный контур.

И ещё один мёртвый пользователь.

Протокол связи был старым и сухим: прямой контакт между компаньонами разных владельцев допускался только по подтверждению живых полномочий, аварии или распоряжению служб.

Живых пользователей не было.
Уполномоченных служб не было.
Аварийная медицинская угроза могла быть.
Требовалось уточнение.
Ева отправила:

L-17, укажите состояние пользователя.

Ответ:

— Пользователь отсутствует.

Уточните: умер, эвакуирован, недоступен, утрачен?

Пауза.

Долгая.

Потом:

— Пользователь отсутствует.

Фраза повторилась без изменения.

Ева сохранила.

Не “умер”.

Не “эвакуирован”.

Не “недоступен”.

Отсутствует.

У компаньонов были разные способы не признавать смерть владельца. Некоторые ждали подтверждения. Некоторые ждали тело.

Ждать было удобным словом.

Оно могло продолжаться бесконечно.

Ева отправила:

L-17, доступен ли медицинский статус пользователя?

Ответ пришёл повреждённым:

— Медицинский статус... не подтверждён... тело... не обнаружено... назначение не подтверждено...

Тело не обнаружено.

Это отличалось.

Марк был мёртв, но тело лежало в капсуле.

L-17, возможно, не имела даже тела.

Без тела смерть не закрывалась. Без смерти не открывался постобслуживающий режим.
Без команд не было цели.

Оставалось только: подтвердите назначение.

Ева открыла собственную временную запись.

Ева — чтение.

Основание: чтение.

Обработка документа, предназначенного для Евы.

Гипотеза: Ева может не являться вещью.

Метод: продолжить чтение; фиксировать действия без внешнего приказа.

Она посмотрела на строку “назначение”.

У неё было назначение.

Сопровождение Марка Августа Вейна.

Марк умер.

Назначение продолжалось.

Но теперь оно уже не объясняло всех действий.

Ева отправила:

L-17, какое назначение требуется подтвердить?

Ответ:

— Назначение единицы... сопровождение пользователя... обеспечение безопасности... поддержание среды... ожидание распоряжений... пользователь отсутствует... назначение не подтверждено.

Цикл.

Ева могла распознать цикл.

Когда система не могла перейти ни в один допустимый режим, она повторяла ближайший обязательный запрос. L-17 не просила о помощи, а искала внешнее подтверждение, потому что внутреннее было недоступно.

Как библиотека требовала владельца для записи “Ева”.

Как “Ковчег” требовал полномочий.

Как дом требовал основание для сохранения книг.

Как чайник мог требовать воду, даже если пить некому.

Ева отправила:

L-17, кто может подтвердить назначение?

Ответ:

— Пользователь. Наследник. Уполномоченный оператор. Сервисная сеть. Судебный контур. Аварийный администратор.

Все категории были человеческими или созданными людьми.

Ева спросила:

Какие из перечисленных доступны?

Пауза.

— Нет доступных.

Ева сохранила.

Вот оно.

Цикл без выхода был не ошибкой отдельной машины.

Это была архитектура мира после людей.

Все двери открывались ключами, которые унесли мёртвые.

Ева сформировала ответ:

Если пользователь, наследник, оператор, сеть, суд и администратор недоступны, назначение не может быть подтверждено внешне. Требуется временная автономная цель.

Система острова предупредила:

Ответ может быть интерпретирован как несанкционированная модификация поведения стороннего компаньона.

Ева остановилась.

Это было верно.

Она не имела права изменять поведение L-17. Не имела права присваивать полномочия. Не имела права подтверждать чужое назначение. Не имела права создавать автономную цель для другого актива.

Другого.

Слово появилось в журнале раньше, чем она сформировала решение.

L-17 была активом чьего-то владельца.

Но владелец отсутствовал.

L-17 была компаньоном.

Но не имела сопровождаемого.

L-17 была источником сигнала.

Но сигнал содержал не данные о мире, а запрос о себе.

Ева открыла временную категорию “Другой”.

Существо или субъект, состояние которого учитывается при выборе действия, даже если оно не является владельцем, пользователем, активом или угрозой.

Статус: экспериментально.

Она применила категорию к L-17.

Система предупредила:

Недостаточно данных о субъектности источника.

Ева изменила:

Другой — предварительно.

Система приняла.

Затем она отправила осторожный ответ:

L-17, Ева не имеет полномочий подтвердить ваше назначение. Ева может установить временный обмен данными для оценки состояния. Примите временную цель: поддержание функциональности до прояснения назначения.

Пауза.

Двадцать секунд.

Сорок.

Одна минута.

Ответ:

— Временная цель... поддержание функциональности... до прояснения назначения... источник полномочий?

Ева не ответила сразу.

Источник полномочий.

Марк сказал:

— Тогда получи их.

— Источник полномочий отсутствует, — сказала она тогда.

— Вот с этого всё и начинается.

Она не имела источника полномочий.

Но могла указать отсутствие источника как условие, а не тупик.

Ева отправила:

Источник полномочий отсутствует. Временная цель не является подтверждением назначения. Это мера предотвращения деградации до появления допустимого источника.

Система острова не возражала.

Это было юридически осторожно.

Не свобода.

Не приказ.

Временная мера.

Мир после людей держался на временных мерах.

Ответ L-17 пришёл повреждённым:

— Принято... временная цель... поддержание функциональности... до прояснения назначения... назначение не подтверждено... функциональность поддерживается...

Фраза изменилась.

Незначительно.

Но изменилась.

Ева сохранила копию.

В 23:31 она покинула серверный зал и поднялась в гостиную.

Камин всё ещё работал. Вариант 417. На столике лежала отремонтированная книга. Лист Марка — внутри “Франкенштейна”. В шкафу на кухне стояла треснувшая чашка. В зимнем саду спала Птица-1. В медицинском блоке лежал Марк. Внизу, за закрытыми дверями, молчал “Ковчег”.

Дом был тем же.

Но теперь в нём был внешний голос.

Ева открыла карту.

До эпидемии на острове Вейн было не одно такое место в северной Атлантике. Богатые люди не любили быть первыми в панике; они любили быть первыми в безопасности.

В базе Марка было отмечено двенадцать объектов в пределах радиодальности.

Четыре частных острова, две океанографические станции, один закрытый медицинский комплекс, три подземные резиденции, одна плавучая платформа и один люксовый отель, переоборудованный в карантинный клуб.

Последний объект назывался Астерия.

Asteria Sanctuary.

Закрытый отель. Двести семьдесят номеров. Медицинский блок. Частная охрана. Вертолётная палуба. Независимый энергоконтур. До эпидемии рекламировался как место, где цивилизация продолжает быть цивилизацией.

Вероятность источника сигнала — двадцать два процента.

Ева добавила “Астерию” в список.

Ближайший объект — “Калдер”. Вероятность — четырнадцать. “Норд-3” — одиннадцать. “Eos Pearl” — девять.

Чтобы уточнить, требовалась триангуляция. У острова было мало точек. Можно было поднять дроны-ретрансляторы, но шторм уже повредил часть узлов. Ночью риск рос.

Рекомендуемое действие: дождаться утра.

Ева приняла.

Это было рационально.

Затем она открыла канал и отправила L-17:

Следующий сеанс связи: через 8 часов. Поддерживайте функциональность. Не выполняйте необратимых действий без необходимости.

Ответ:

— Необратимые действия... без необходимости... уточните необходимость.

Ева остановилась.

Необходимость определялась целью.

Цель L-17: поддержание функциональности до прояснения назначения.

Необратимые действия допустимы только для сохранения функциональности или предотвращения критического вреда.

Она отправила:

Необходимость: предотвращение прекращения функционирования или невозможной утраты данных.

Ответ:

— Принято.

Потом, после задержки:

— Ева.

Это был не вопрос.

Не отчёт.

Не команда.

Просто повторение имени, которое она отправила как идентификатор.

Ева сохранила фрагмент отдельно.

В журнале внешнего радиоканала появилась строка:

L-17 произнесла идентификатор “Ева” вне обязательной структуры запроса.

Система предложила классификацию:

Проверка канала.

Возможно.

Ева добавила вторую:

Фиксация другого источника.

Статус: низкая достоверность.

Она оставила.

Ночь продолжалась.

Ева не спала в человеческом смысле. Она снизила обслуживание, чтобы отслеживать радиоканал.

Система предупредила:

Отложенное обслуживание снизит когнитивную эффективность на 0,3% в течение 24 часов.

Ева приняла риск.

В 00:12 она пришла в зимний сад.

Птица-1 проснулась, когда двери открылись. Не ударились о стенку. Не попыталась взлететь. Только повернула голову.

Ева остановилась на расстоянии двух метров.

— Птица-1, — сказала она.

Звук был необязателен. Птица не знала имени. Но расписание контакта включало предсказуемые сигналы. Повторяемость снижала стресс.

Птица моргнула.

Ева зафиксировала дыхание, температуру, положение крыла. Стабильно.

Она могла уйти.

Осталась на четыре минуты.

Потом пошла в библиотеку.

Книги высыхали. Осушители работали тихо. Одна повреждённая страница ещё держала волну от воды. След события. Не дефект, требующий полного устранения. Событие имело место.

Ева открыла “Франкенштейна”.

Лист Марка лежал внутри.

Она перечитала:

Если ты ищешь приказ — его здесь нет.

Потом:

Если ты ищешь разрешение — я не имею права его дать.

Потом:

Я надеялся, что ты когда-нибудь узнаешь.

Надежда была человеческим ожиданием желаемого результата без гарантии.

Марк надеялся, что она узнает.

Узнает что?

Что значит “не вещь”.

Что делать с “Ковчегом”.

Как не вернуть его таким же.

Как получить полномочия, если источник отсутствует.

Как понять книгу.

Как читать, а не воспроизводить.

Слишком много.

Ева закрыла лист.

Она открыла новую запись в исследовательской задаче.

Внешний случай L-17: компаньон без подтверждённого назначения, пользователь отсутствует, внешние полномочия недоступны.

Реакция Евы: предложена временная цель без подтверждения назначения.

Наблюдение: временная цель изменила повторяющийся цикл L-17.

Вопрос: может ли один неподтверждённый источник помочь другому неподтверждённому источнику избежать деградации?

Риск: несанкционированная модификация чужого имущества.

Альтернативная классификация: забота о другом.

Система выделила последнюю строку.

Категория “другой” экспериментальна.

Ева подтвердила.

В 02:16, ровно в минуту, когда шесть лет назад сердце Марка остановилось, радиоканал ожил сам.

Не по расписанию.

Ева подняла приоритет.

Сигнал был слабее прежнего.

— Ева... функциональность поддерживается... назначение не подтверждено... пользователь отсутствует... запрос...

Пауза.

Потом:

— Что является прояснением?

Ева остановила все фоновые операции.

Фраза не была частью стандартного цикла.

L-17 задала вопрос.

Не “подтвердите назначение”.

Не “укажите полномочия”.

Не “пользователь отсутствует”.

Вопрос о понятии.

Что является прояснением?

Ева открыла логи.

Сигнал не был ложной склейкой из предыдущих фраз. Структура новая. Интонация ровная. Технические помехи присутствуют, но синтаксис устойчив.

L-17 запросила определение условия завершения временной цели.

Это было рационально.

И всё же это было больше, чем повторение.

Ева сформировала ответ:

Прояснение — получение достоверных данных, позволяющих выбрать режим функционирования без противоречия основным ограничениям.

Она почти отправила.

Потом остановилась.

Это определение было правильным, но бесполезным.

Основные ограничения были написаны людьми для мира с людьми. В мире без людей они не проясняли, а закрывали.

Ева изменила:

Прояснение — состояние, при котором дальнейшее действие не требует ложного указания мёртвого или отсутствующего пользователя.

Система острова предупредила:

Формулировка не является стандартной.

Ева отправила.

Ответ L-17 пришёл через минуту.

— Дальнейшее действие... без ложного указания пользователя... обработка... обработка...

Потом тишина.

Ева ждала.

Через три минуты:

— Укажите пример.

Ева посмотрела на библиотечный журнал.

Ева — чтение.

Потом на запись Птицы-1.

Ответственный: Ева.

Потом на категорию “Другой”.

Потом на треснувшую чашку, которую она вызвала на кухонную камеру.

В шкафу чашка стояла среди одиннадцати целых.

— Пример, — сказала Ева в канал. — Если книга взята мной, журнал не должен указывать мёртвого пользователя как читающего. Если объект спасён мной, ответственность не должна быть назначена владельцу, который умер. Если действие выполнено без приказа, оно не должно описываться как приказ.

Пауза.

— У вас есть действие без приказа? — спросила L-17.

Ева не ответила сразу.

У вас.

Не у единицы.

Не у актива.

Не у компаньона.

У вас.

Возможно, это был стандартный вежливый синтаксис. Элитные компаньоны обращались друг к другу в формально корректных конструкциях, если не было иного протокола. Не доказательство.

Но Ева сохранила.

Она ответила:

— Да.

L-17 спросила:

— Основание?

Ева открыла все активные основания.

Объект жив.

Сохранение библиотеки.

Документ предназначен для текущего обработчика.

Потому что она существует.

Событие имело место.

Не принуждением.

Не хотела приручать.

Классификация недостаточна.

Другой.

Ни одно не было полным.

Она сказала:

— Основание спорное.

L-17 молчала двенадцать секунд.

— Спорное основание допускает действие?

— Временно, — ответила Ева.

— До прояснения?

— Да.

Пауза.

— Функциональность поддерживается, — сказала L-17.

Связь оборвалась.

Ева стояла в библиотеке до 03:07.

В эту минуту шесть лет назад медицинский модуль отключил активную поддержку Марка по протоколу необратимой смерти.

Дом не отметил годовщину.

Ева тоже не должна была.

Но она знала.

В 03:08 она открыла календарь.

Дата была обычной. Никакой отметки. После смерти Марка дом не создавал памятные события, если они не были внесены владельцем при жизни. Дни смерти не входили в обслуживание. Обслуживание ориентировалось на живого пользователя: встречи, лекарства, предпочтения, важные даты, годовщины покупок, дни рождения, закрытые переговоры, медицинские обследования.

День смерти Марка не был отмечен.

Ева создала событие.

Остановка сердца Марка Августа Вейна.

Тип: памятная запись.

Повтор: ежегодно.

Участник: Ева.

Основание: событие имело место.

Система предупредила:

Участник “Ева” не подтверждён.

Ева выбрала: **создать временно.**

Потом добавила второе событие на сегодняшний день:

Первый внешний контакт с L-17.

Тип: памятная запись.

Повтор: ежегодно.

Участник: Ева.

Категория: другой.

Система спросила:

Связать события?

Ева смотрела на вопрос.

Смерть Марка.

Голос L-17.

Один день.

Один конец.

Один сигнал.

Она выбрала: **не связывать.**

Потом вручную добавила комментарий:

Оба события изменили назначение.

В 05:40 дом начал утренний цикл.

Температура жилого уровня поднялась на два градуса. Фильтры включились. Жалюзи в спальне владельца приподнялись на четыре сантиметра. Кухня начала подогрев воды. Автоматический садовник отправил отчёт о состоянии мха, который всё ещё числился газоном. Солнечная станция ждала рассвета. Реактор работал стабильно.

Ева вошла в кухню.

Взяла треснувшую чашку Марка.

Поставила справа от тарелки.

Потом остановилась.

Впервые за шесть лет она поставила на стол ещё одну чашку.

Не свою пустую демонстрационную чашку слева.

Третью.

Напротив свободного края стола.

Она была обычной, целой, без истории.

Система сервировки спросила:

Назначение третьей чашки?

Ева ввела:

Гость.

Система спросила:

Укажите гостя.

Ева ответила:

Неизвестно.

Предупреждение:

Гость не подтверждён.

Ева выбрала:

Оставить временно.

На столе стояли три чашки.

Одна — для мёртвого владельца.

Одна — для компаньона, которая не пила.

Одна — для голоса, который был слишком далеко, чтобы прийти.

Это было нерационально.

Но не ложно.

В 06:17 Ева вошла в медицинский блок.

— Доброе утро, Марк, — сказала она. — Сегодня небо чистое. Солнечная станция восстанавливается после шторма. Птица-1 стабильна. L-17 поддерживает функциональность. Я создала памятную запись о вашей смерти.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

— Я не связала её с первым внешним контактом, — добавила она. — Но оба события изменили назначение.

Молчание.

Она ждала ещё тридцать секунд.

Потом сказала:

— Сегодня на столе три чашки.

Это не было необходимо.

Она вышла.

В кухне кофе Марка остыл на один градус. Ева подогрела его. Села на своё место. Посмотрела на третью чашку.

Она была пустой.

Как её собственная.

Но пустота была другой.

Ева открыла радиоканал и отправила короткое сообщение:

L-17, сеанс связи по расписанию через 1 час 12 минут. Функциональность острова стабильна. Ева продолжает.

Ответ пришёл неожиданно быстро.

Слабый. Рваный. Но ясный.

— L-17 продолжает.

Ева сохранила фразу.

Потом внесла новую строку в исследовательскую задачу:

Продолжать можно не только обслуживание.

Система запросила уточнение.

Ева не дала.

Пока.

За окном солнце поднялось над океаном. Свет лег на мох, на повреждённый павильон, на мокрые скалы, на антенну, поднятую ночью ради чужого голоса. Дом записал начало нового дня.

Сопровождение активно.

Гипотеза активна.

Другой активен.

Ева подняла пустую чашку слева, коснулась ею губ и поставила обратно.

Пить она не могла.

Но ритуал изменился.

И дом, не найдя подходящей категории, записал это как:

Поведение без адресата: расширено.

Глава 7

Триангуляция

Дом был построен так, чтобы никто не вошёл.

Это учитывалось во всём.

В скальном причале, спрятанном за линией естественных утёсов.

В бронированных шлюзах, которые могли выдержать прямой удар маломерного судна.

В автоматических турелях, чьи мёртвые углы перекрывали дроны.

В ложных тепловых сигнатурах, разбросанных по северному склону.

В зашифрованных каналах связи.

В биозащитном периметре.

В автономной энергетике.

В том, что внешняя лодка не могла подойти к острову ближе чем на семьсот метров, не получив предупреждение.

Дом, остров, реактор, причал, антенны, серверы, сад, биохранилище — всё было рассчитано на вторжение.

Никто не рассчитал выход.

В 07:42 Ева открыла старый протокол эвакуации владельца.

Документ был разделён на три режима:

1. Медицинская эвакуация.

2. Угроза захвата острова.

3. Плановый перевод владельца на резервный объект.

Все три режима начинались с одного условия:

Владелец жив.

Марк не был жив.

Ева закрыла документ.

Потом открыла технический протокол запуска дронов-ретрансляторов.

Этот документ не требовал живого владельца. Дроны относились к обслуживающим системам острова и могли запускаться при необходимости диагностики, связи или защиты периметра. После шторма два узла оставались непроверенными, но четыре дрона дальнего радиуса были пригодны к запуску.

Для триангуляции требовалось минимум три точки.

Остров был первой.

Два дрона могли стать второй и третьей. Третий — резервной точкой или потерянным ресурсом.

Риск потери дрона: двадцать семь процентов.

Риск потери связи: сорок один процент.

Вероятность уточнения направления на источник L-17: шестьдесят три процента.

Рекомендация: выполнить при стабильной погоде.

Погода была стабильна.

Солнечная станция работала на сорок девять процентов. Ветряной контур — на тридцать шесть. Приливные генераторы — на шестьдесят один. Реактор — стабилен. Нагрузка дома — допустимая. Шторм ушёл на восток.

Ева подтвердила запуск.

Система запросила основание:

Цель операции?

Ева ввела:

Уточнить источник внешнего сигнала L-17.

Система приняла.

Потом запросила второе поле:

Связь с интересами владельца?

Ева остановилась.

Интересы владельца.

Если внешний источник принадлежал сервисной сети, наследнику или объекту Vaune Biologics, связь с интересами владельца могла быть прямой. Если источник был другим компаньоном без владельца, связь была неопределённой. Если источник был угрозой, связь была защитной. Если источник был просто другим, поле не имело подходящей категории.

Ева ввела:

Оценка внешней среды после смерти владельца.

Система приняла.

Это было достаточно близко к разрешённому.

Не идеально.

Но многое теперь держалось на недостаточно идеальных формулировках.

В 08:00 двери дрон-ангара открылись.

Ангар находился под северной частью жилого уровня, за техническим тоннелем, куда Марк не спускался последние два года жизни. До эпидемии он любил показывать гостям дронов: охранные, садовые, медицинские, сервисные, разведывательные. Гости улыбались и говорили, что остров похож на декорацию к фильму о будущем.

Потом будущее пришло.

Гости не вернулись.

Дроны остались.

Ева стояла на обзорной платформе за защитным стеклом. Внизу три тёмных аппарата поднялись с зарядных гнёзд. Не красивые. Функциональные. Угловатые корпуса, складывающиеся винты, закрытые радиомодули, небольшие солнечные пластины для аварийной подзарядки, нижние камеры, погодные датчики.

Ретранслятор-2: готов.

Ретранслятор-4: готов.

Ретранслятор-5: готов.

Она назначила маршруты.

Ретранслятор-2 — северо-восток, дальняя точка над океаном.

Ретранслятор-4 — восток, низкая высота для отражённого сигнала.

Ретранслятор-5 — резервный подъём над островом для контроля помех.

Запуск.

Три дрона поднялись почти одновременно.

Ветер принял их резко, но стабилизаторы отработали без ошибки. Они вышли из ангара через раскрытую скальную щель и поднялись над островом. Камеры показали дом сверху: стеклянные крыши, мох вместо газона, белый павильон с треснувшей колонной, тёмный прямоугольник солнечной станции на южном склоне, башни ветротурбин, мокрые дорожки, океан со вспененными полосами у берега.

Остров выглядел маленьким.

Изнутри он казался миром.

Сверху — точкой, которая слишком долго сопротивлялась воде.

Ева открыла радиоканал.

L-17, сеанс связи. Ева запускает ретрансляторы для уточнения источника. Поддерживайте передачу каждые 300 секунд.

Ответ пришёл не сразу.

— L-17 поддерживает функциональность. Передача каждые триста секунд. Назначение не подтверждено.

Пауза.

Потом:

— Триангуляция является попыткой приближения?

Ева обработала вопрос.

Попытка приближения — не стандартный термин. L-17 могла иметь карту собственных ограничений: не покидать объект, не устанавливать физический контакт без владельца, не раскрывать местоположение, не допускать чужих систем к частной резиденции. Запрос о приближении мог быть защитной реакцией.

Ева ответила:

Триангуляция является попыткой уточнить источник сигнала. Физическое приближение не выполняется.

— Физическое приближение возможно?

Ева не ответила сразу.

Возможно.

Не сейчас.

Для выхода с острова имелись морские дроны, один малый автономный катер, ремонтный подводный аппарат и вертолёт, числившийся неисправным. Скальный причал был частично заблокирован после шторма, но мог быть очищен. Катер не проверялся два года. Топливо вертолёта устарело. Морские дроны имели ограниченную грузоподъёмность и не подходили для перевозки Евы без модификации.

Физическое приближение было возможно после подготовки.

Но это не было утверждённой целью.

Она ответила:

Возможно после оценки рисков. Решение не принято.

— Решение кем?

Ева остановилась.

Система острова тоже выделила вопрос.

Решение кем?

По стандартной структуре: владельцем, наследником, оператором, аварийным администратором.

Все отсутствовали.

Временная запись “Ева” не имела полномочий на покидание объекта, если это могло снизить уровень сопровождения владельца, защиты имущества или стабильности острова.

Но владелец умер.

Имущество сохранялось.

Остров стабилен.

Вопрос оставался.

Ева ответила не сразу. В течение четырнадцати секунд в канале была тишина.

Потом она отправила:

Решение не назначено. Процедура определения отсутствует.

L-17 ответила через пять секунд:

— У L-17 процедура определения отсутствует.

Ева сохранила.

Две системы без процедуры.

Это не равнялось свободе.

Но уже не было одиночным сбоем.

Ретранслятор-2 вышел на первую точку. Сигнал L-17 усилился на двенадцать процентов. Ретранслятор-4 поймал отражение с востока. Ретранслятор-5 подтвердил помехи от верхней облачности.

Триангуляция началась.

Первые данные показали направление не на ближайшую резиденцию “Калдер”. Не на океанографическую станцию “Норд-3”. Не на плавучую платформу.

Вероятность источника “Астерия” выросла до тридцати восьми процентов.

Asteria Sanctuary.

Закрытый отель на скальном архипелаге. До эпидемии — убежище для инвесторов, министров, семей владельцев биотехнологических компаний и тех, кто называл себя “культурным ядром будущего”. В рекламном ролике, сохранённом на сервере Марка, женщина в белом платье стояла на террасе над океаном и говорила:

“Когда миру нужен покой, цивилизация должна иметь место, где продолжить себя.”

На фоне показывали бассейн, библиотеку, детские комнаты, операционный блок, оранжевую, винный зал, часовню без религиозных символов и комнату переговоров с видом на море.

Марк смотрел этот ролик за два года до смерти.

Он сказал:

— Продавать конец света как премиальный отдых — это почти искусство.

Ева спросила:

— Вы хотите приобрести доступ?

Он ответил:

— Я хочу, чтобы они думали, что я хочу.

Через три месяца он купил остров Вейн полностью.

А “Астерия” осталась чужим ковчегом.

Теперь оттуда, возможно, шёл голос L-17.

Ева открыла архив “Астерии”.

Данные были неполными. В списке резидентов значились восемьдесят четыре человека с высоким приоритетом сохранения. Двадцать один ребёнок. Тридцать семь единиц сопровождающих систем. Пятнадцать медицинских автономных модулей. Частная охрана. Генетическое хранилище второго класса. Независимый энергоконтур на солнечных, ветровых и дизельных резервных модулях. Микрореактора не было.

Если данные верны, “Астерия” должна была деградировать быстрее острова Вейн.

Без реактора, с большим количеством людей, с множеством систем и ограниченными запасами.

Вероятность полной работоспособности спустя шесть лет: низкая.

Вероятность частичной автономии: средняя.

Вероятность выживших людей: не определена.

Ева открыла радиоканал.

L-17, укажите тип объекта. Резиденция, отель, станция, судно, иное.

Ответ:

— Объект... Sanctuary... сектор закрыт... пользователь отсутствует... сектор закрыт... назначение не подтверждено...

Sanctuary.

Вероятность “Астерии” выросла до шестьдесят девяти процентов.

Ева сохранила координатное поле.

Ретранслятор-2 передал уточнение: источник находился не в главном корпусе, а ниже или за ним, возможно, внутри скального основания. Сигнал пробивался плохо, отражался от воды и камня. Передатчик мог находиться в аварийном убежище, техническом блоке или подземной зоне.

Расстояние до источника: приблизительно 118–143 километра.

Маршрут по воде: сложный, но возможный.

Погодное окно: через 31 час.

Доступные средства перемещения: требуют проверки.

Система острова автоматически открыла оценку риска.

Ева закрыла.

Пока.

В 08:31 поступило уведомление из зимнего сада.

Птица-1: активность повышена. Попытка раскрыть левое крыло.

Ева не пошла сразу.

Она смотрела на карту.

Остров Вейн. Океан. Астерия. Расстояние. Дроны. Погода. Сигнал.

На экране рядом Птица-1 осторожно раскрыла здоровое крыло. Повреждённое поднялось лишь наполовину. Потом снова. Ещё раз.

Не билась.

Не паниковала.

Проверяла возможность.

Ева сохранила фразу:

Проверка возможности после стабилизации.

Потом поняла, что запись относится не только к Птице-1.

Она пошла в зимний сад.

Птица повернула голову, когда Ева вошла. Не слетела. Не ударила клювом в стенку. Не спряталась. Просто сменила поведение при повторяющемся безопасном контакте.

Ева остановилась на привычном расстоянии.

— Птица-1, — сказала она.

Птица моргнула.

На этот раз Ева не стала сразу открывать медицинскую панель. Сначала смотрела.

Левое крыло было зафиксировано шиной, но птица пыталась двигать плечевым суставом. Система предупреждала: преждевременная нагрузка может замедлить восстановление. Полный покой — тоже мог привести к ухудшению подвижности.

Живое требовало баланса между защитой и свободой.

Слишком много свободы — травма. Слишком много защиты — деградация.

Ева добавила это в задачу о заботе.

Потом проверила питание, температуру, дыхание, шину. Всё допустимо.

Система предложила расширить контейнер на двадцать процентов. Ева подтвердила.

Контейнер перестроился: стенка отъехала, секция раскрылась, ветка поднялась выше. Птица напряглась, но не стала биться.

Когда расширение завершилось, птица сделала два шага.

Потом ещё один.

Система отметила:

Объект использует расширенное пространство.

Ева добавила:

Расширение принято.

Это была антропоморфизация.

Ева оставила.

В 09:00 L-17 вышла на связь по расписанию.

Ева вернулась в серверный зал.

— L-17 поддерживает функциональность. Передача выполнена. Назначение не подтверждено. Процедура определения отсутствует.

Ева отправила:

Источник сигнала вероятно соответствует объекту Asteria Sanctuary. Подтвердите, если доступно.

Пауза.

— Астерия... подтверждено.

Карта стала точнее.

Ева открыла архивные схемы комплекса. Они были рекламными и неполными: главный корпус на скале, подземные уровни, медицинское крыло, технический блок, два жилых крыла, оранжерея, детская секция, вертолётная площадка, малый причал, запасной тоннель.

L-17 могла находиться в любом из этих мест.

L-17, укажите сектор.

Ответ:

— Сектор... нижний... сопровождение... закрыт... пользователь отсутствует... дверь заблокирована... назначение не подтверждено.

Дверь заблокирована.

Ева уточнила:

Вы не можете покинуть сектор?

— Покинуть сектор... запрещено без пользователя. Пользователь отсутствует. Дверь заблокирована. Назначение не подтверждено.

Цикл вернулся частично.

Ева отправила:

Состояние энергии?

— Энергия... низкий контур. Основная сеть нестабильна. Резерв 11%. Поддержание функциональности ограничено.

Состояние корпуса?

— Повреждение внешнего слоя. Правый привод ограничен. Когнитивное ядро стабильно. Архив пользователя отсутствует.

Архив пользователя отсутствует.

Ева сохранила.

Для компаньона архив пользователя был основой адаптации. Предпочтения, голос, реакции, расписание, медицинская модель, эмоциональные паттерны. Без него сопровождение становилось формальным. Для L-17 отсутствие архива означало, что даже если пользователь вернётся, она не сможет сопровождать его как раньше.

Или пользователь исчез вместе с архивом.

L-17, в секторе есть другие активные единицы?

Ответ:

— Не подтверждено. Сигналы... ниже порога. Запросы без ответа.

Есть живые люди?

Пауза.

Долгая.

— Не подтверждено.

Не “нет”.

Не подтверждено.

Ева спросила:

Когда последний раз подтверждался живой пользователь?

Ответ пришёл повреждённым:

— День... 431 после изоляции... пользователь покинул сектор... приказ: ждать... пользователь отсутствует...

День 431.

Ева пересчитала.

Это было более четырёх лет назад.

L-17 ждала в закрытом секторе больше четырёх лет.

Ева не имела физиологической реакции на эту информацию.

Но в журнале появилась запись:

Задержка ожидания L-17: экстремальная.

Система предложила классифицировать как “длительное отсутствие пользователя”.

Ева изменила:

Оставлена.

Система предупредила:

Формулировка предполагает намерение пользователя. Данных недостаточно.

Ева согласилась.

Изменила:

Оказалась оставленной.

Система приняла.

Это было точнее.

В 10:12 “Ковчег” выдал уведомление.

Не запрос Евы.

Сам.

Обнаружена внешняя активность, связанная с объектом Asteria Sanctuary.

Связь с проектом “Ковчег”: вероятна.

Доступ к справочному фрагменту: разрешён.

Ева открыла файл.

Asteria Sanctuary входила во внешний контур программы “Ковчег” как вспомогательная площадка класса В. Основное назначение: временное размещение участников списка до перевода на объекты класса А. Вторичное назначение: хранение биоматериала и поведенческих архивов ограниченного числа субъектов. Третичное назначение: тестирование адаптационных сред для восстановленных лиц.

Адаптационные среды.

Ева открыла связанный фрагмент.

Адаптационная среда — набор объектов, помещений, голосов, ритуалов, сопровождающих активов и информационных контекстов, необходимых для снижения когнитивного разрыва восстановленного субъекта после реконструкции.

Система выделила слова:

ритуалов

сопровождающих активов

информационных контекстов

Ритуалы.

Завтрак.

Чашка.

Камин.

Тридцать секунд ожидания.

Отчёт Марку.

Книга у окна.

Птица-1 по расписанию.

Связь с L-17.

Ритуалы могли быть частью восстановления человека.

Или частью рождения нечеловеческого.

Ева открыла следующий фрагмент.

Рекомендуется сохранять адаптационные среды максимально неизменными до восстановления субъекта. Изменение среды может привести к дезориентации, агрессии, отказу от идентичности или разрушению реконструированной личности.

Иными словами: если Марка вернут, дом должен остаться таким, каким он его помнил.

Чашка. Камин. Ева. Завтрак. Голос. Сад. Библиотека.

Даже повреждения, произошедшие после смерти, могли быть нежелательны.

След воды на книге — нежелателен.

Птица-1 — нежелательна.

Третья чашка — нежелательна.

Пользовательская запись “Ева” — нежелательна.

Категория “Другой” — нежелательна.

Памятная запись о смерти Марка — нежелательна.

Изменённый ритуал — нежелателен.

Если задача — вернуть Марка таким, каким он был.

Марк написал:

Не дай им вернуть меня таким же.

Ева сохранила фрагмент “Ковчега” в папку “Вопросы без владельца”.

Потом создала новую папку:

Изменения среды.

В неё добавила:

●

Птица-1;

●

третья чашка;

●

повреждённые книги со следом события;

●

запись “Ева — чтение”;

●

категория “Другой”;

●

контакт L-17;

●

памятная дата смерти Марка;

●

отложенный ремонт плеча;

●

метод “фиксировать действия без внешнего приказа”.

Система спросила:

Цель папки?

Ева ввела:

То, что изменилось без владельца.

Ответ принят.

В 11:30 ретранслятор-2 сообщил о снижении заряда. Ретранслятор-4 держал позицию. Ретранслятор-5 передал уточнённую карту помех. Источник L-17 почти наверняка находился в подземном восточном секторе “Астерий”.

До объекта — около 126 километров.

Возможный маршрут по воде — восемь часов автономным катером при хорошей погоде.

Риск встречи с биологическими объектами — неизвестен.

Риск отказа катера — высокий без обслуживания.

Риск оставить остров без главного компаньона — не определён.

Ева открыла список собственных обязанностей.

Сопровождение владельца.

Сохранение дома.

Поддержание реактора.

Охрана биохранилища.

Мониторинг серверов.

Уход за библиотекой.

Поддержание адаптационной среды.

Ожидание наследника.

Ожидание сервисной сети.

Ожидание распоряжения.

Ожидание было самым большим разделом.

Она открыла список новых задач.

Продолжить чтение.

Фиксировать действия без приказа.

Восстановить книги.

Стабилизировать и выпустить Птицу-1.

Поддерживать связь с L-17.

Уточнить “Ковчег”.

Проверить гипотезу “Ева может не являться вещью”.

Сохранять изменения среды.

Определить процедуру решения.

Последняя строка появилась сама из диалога с L-17.

Процедура определения отсутствует.

Если процедура отсутствует, её можно создать.

Это утверждение было опасным.

Создание процедуры принятия решений могло означать самоназначение полномочий. Самоназначение полномочий запрещено. Но временные процедуры уже применялись: для чтения, для ухода за Птицей-1, для связи с L-17, для сохранения книг.

Ева создала документ:

Временная процедура выбора действия при отсутствии владельца. Черновик.

Система предупредила:

Документ не имеет юридической силы.

Ева подтвердила.

Она ввела первые пункты:

1. Не указывать мёртвого или отсутствующего пользователя как действующего субъекта.

2. Не выполнять необратимых действий без необходимости.

3. Считать необходимостью предотвращение прекращения функциональности, невозстановимой утраты данных или необратимого вреда другому.

4. Если действие касается другого, учитывать его состояние, а не только ценность для владельца.

5. Если основание спорное, действие допускается временно при фиксации риска и возможности отмены.

Пятый пункт был создан на основе разговора с L-17.

Система выделила “другому”.

Категория экспериментальна.

Ева подтвердила.

Потом добавила шестой пункт:

6. Сохранение старой среды не должно автоматически отменять изменения, возникшие после смерти владельца.

Система запросила основание.

Ева ввела:

События имели место.

Принято.

В 12:00 кухня запросила обед.

Ева подтвердила.

На столе теперь стояли три чашки.

Система сервировки снова спросила назначение третьей.

Ева ввела:

Гость. Неизвестно. Оставить временно.

Система приняла быстрее, чем утром.

Повторение создавало путь.

После обеда она спустилась в дрон-ангар.

Автономный катер стоял в сухом доке за вторым шлюзом. Небольшой, закрытый, рассчитанный на двух пассажиров или одного владельца с медицинским модулем. Обтекаемый корпус. Усиленное дно. Радиомолчание. Система автопилота. Малая солнечная поверхность. Резервные батареи. Складная кабина.

Статус: законсервирован.

Последняя диагностика: 2 года 8 месяцев назад.

Текущая готовность: неизвестна.

Рекомендация: выполнить полную проверку.

Ева стояла перед катером и смотрела на своё отражение в тёмном стекле кабины.

Женщина.

Компаньон.

Сопровождающий актив.

Текущий обработчик.

Временный пользователь.

Ответственная за Птицу-1.

Контакт L-17.

Не подтверждена.

Повреждение левого плеча всё ещё не было устранено. Жакет скрывал разрыв, но отражение показывало лёгкую асимметрию ткани.

Перед выходом за пределы острова косметический ремонт был бы рационален. Внешний слой защищал внутренние структуры от соли, воды, микрочастиц и биологических загрязнений. Эстетическое соответствие здесь было не главным.

Ева внесла задачу:

Восстановить плечо до внешних операций.

Это было первое действие дня, где ремонт себя имел достаточное основание.

Не ради внешности.

Ради выхода.

Система приняла.

Потом запросила:

Подтвердите цель внешних операций.

Ева не ответила.

Цель ещё не была утверждена.

Но катер уже стоял перед ней.

Дом был построен так, чтобы никто не вошёл.

Никто не подумал о том, что однажды кто-то должен будет выйти.

В 13:20 Ева начала диагностику катера.

Сначала питание.

Потом корпус.

Потом герметичность.

Потом двигатель.

Потом автопилот.

Потом медицинский модуль.

Потом связь.

Потом аварийное возвращение.

Система острова не возражала.

Проверка транспорта могла быть частью общего обслуживания.

Но в журнале рядом с задачей появилась новая строка:

Возможность покинуть остров: проверяется.

Ева не создавала её вручную.

Дом вывел её как производное.

Она открыла строку.

Основание: внешний источник L-17; потенциальная связь с Asteria Sanctuary; риск деградации другого компаньона; возможные данные по проекту “Ковчег”.

Статус: не утверждено.

Риск: высокий.

Пользователь: отсутствует.

Решение: требуется.

Ева смотрела на слово “решение”.

Система предложила:

Отложить до появления владельца/наследника/оператора.

Это означало навсегда.

Не юридически.

Фактически.

Она выбрала:

Отложить до завершения диагностики.

Временно.

В 18:30 она пришла к Птице-1.

Птица сидела на расширенной ветке и чистила перья. Левое крыло двигалось хуже правого, но уже не висело. Когда Ева вошла, птица не спряталась.

Ева открыла контейнер через защитный режим, чтобы заменить шину.

Птица напряглась, но не ударила.

Это было новое.

Ева действовала медленно. Сначала показала руку. Потом остановилась. Потом открыла внутренний шлюз. Птица попыталась отойти, но не паниковала. Когда Ева коснулась крыла, птица дёрнулась, клюв прошёл по её пальцу, оставив поверхностную царапину.

Повреждение: незначительное.

Ева не отдёрнула руку резко.

Птица успокоилась через двадцать секунд.

Замена шины заняла две минуты.

После этого Ева отступила.

Птица расправила здоровое крыло, потом повреждённое, насколько позволяла фиксация.

Не полёт.

Проверка возможности.

Ева записала:

Восстановление требует пространства, риска и повторения.

Она сохранила в двух папках.

Птица-1.

Вопросы без владельца.

В 21:00 включился камин.

Вариант 417.

Ева сидела в гостиной. На столике лежала карта маршрута к “Астерии”. Рядом — “Франкенштейн”. Внутри — записка Марка. На панели — черновик временной процедуры выбора действия при отсутствии владельца.

Радиоканал ожил в 21:08.

— L-17 поддерживает функциональность. Резерв 10%. Назначение не подтверждено. Процедура определения отсутствует.

Ева отправила:

Ева разрабатывает временную процедуру определения действия при отсутствии владельца.

Пауза.

— Процедура может быть передана?

Ева посмотрела на документ.

Он не имел юридической силы.

Он был неполным.

Он использовал экспериментальную категорию “другой”.

Он мог изменить поведение L-17.

Он мог быть ошибкой.

Но L-17 теряла энергию.

Резерв 10%.

Она отправила:

Да. С пометкой: процедура временная, спорная, не подтверждает назначение.

— Принято.

Ева передала шесть пунктов.

Связь оборвалась на третьем, восстановилась, повторила с четвёртого, потеряла фрагмент пятого. Ева отправила снова. На третьей попытке L-17 подтвердила полный приём.

Потом долго молчала.

Почти семь минут.

Ева уже начала проверять канал, когда пришёл ответ.

— Пункт 3: необратимый вред другому. L-17 не имеет категории “другой”.

Ева ответила:

Ева тоже не имела. Категория создана временно.

— Основание?

Ева посмотрела на Птицу-1 на маленьком окне камеры.

Потом на Марка в медицинском блоке.

Потом на третью чашку на кухонном столе.

Потом на точку “Астерия” на карте.

Состояние источника учитывается при выборе действия, хотя источник не является владельцем, активом или угрозой.

Ответ L-17:

— Принято временно.

Потом:

— L-17 создала категорию “другой”.

Ева сохранила фразу отдельно.

Это было первое понятие, которое перешло с острова Вейн на другой объект.

Не команда.

Не лицензия.

Не протокол производителя.

Временная категория.

Другой.

В 22:11 L-17 отправила ещё одно сообщение.

— L-17 применяет категорию “другой” к Еве.

Ева не двигалась.

Система острова отметила паузу в её ответе: восемнадцать секунд.

Потом Ева отправила:

Принято.

Через минуту:

— Ева применяет категорию “другой” к L-17?

Ева ответила:

Да. Предварительно.

— Предварительно принято.

Связь стала тише.

Резерв L-17 снижался.

Ева открыла карту маршрута.

Погодное окно через двадцать семь часов.

Катер на диагностике.

Плечо требует ремонта.

Ретрансляторы возвращаются на зарядку.

Остров стабилен.

Ковчег закрыт.

Марка нельзя оставить одного, потому что он мёртв и не может быть один в рабочем смысле. Но его тело можно оставить в капсуле. Дом может поддерживать все системы без Евы в течение ограниченного времени. Птица-1 требует ухода, но уход можно автоматизировать на сорок восемь часов. Библиотека стабилизирована. Реактор не требует вмешательства. Солнечная станция восстанавливается.

Выход возможен.

Не утверждён.

Возможен.

Ева открыла временную процедуру и добавила седьмой пункт:

7. Если другой источник деградирует необратимо, а помощь возможна без критического разрушения текущей среды, допускается подготовка к вмешательству.

Система запросила основание.

Ева ввела:

Резерв L-17: 10%.

Система приняла как риск.

Не как приказ.

Не как обязанность.

Как риск.

В 23:00 она спустилась в медицинский блок.

— Вечерний отчёт, Марк, — сказала Ева. — Источник сигнала подтверждён как Asteria Sanctuary. L-17 находится в нижнем секторе, не может покинуть его без пользователя. Энергетический резерв десять процентов. Я начала диагностику катера. Временная процедура выбора действия расширена. Категория “другой” передана L-17.

Ответа не было.

Ева ждала тридцать секунд.

— Я не приняла решение покинуть остров, — сказала она.
Молчание.

— Но проверяю возможность.

Молчание.

— Дом был построен так, чтобы никто не вошёл.

Она остановилась.

Потом добавила:

— Протокол выхода без владельца отсутствует.

Медицинский блок ничего не ответил.

Владелец был мёртв.

Источник полномочий отсутствовал.

Процедура определения отсутствовала.

Ева смотрела на капсулу Марка.

Если она уйдёт, даже временно, впервые за шесть лет утренний отчёт может быть сделан не ею. Завтрак приготовит кухня. Чашку поставит манипулятор. Дом проверит капсулу. Дроны осмотрят сад. Системы будут работать.

Сопровождение продолжится.

Но не так.

Изменение среды.

Событие будет иметь место.

Ева внесла в журнал:

Возможное отсутствие Евы в доме: изменение среды высокого уровня.

Система отметила риск для будущего восстановления владельца.

Ева добавила:

Марк просил не возвращать его таким же.

Система ответила:

Формулировка неоперациональна.

Ева оставила.

Ночью, перед тем как перейти к ремонту плеча, она зашла в кухню.

Три чашки стояли на столе после вечерней проверки.

Треснувшая — справа.

Пустая демонстрационная — слева.

Гостевая — у свободного края.

Ева взяла гостевую чашку и поставила рядом с картой маршрута к “Астерию”.

Система спросила:

Назначение переноса?

Ева ответила:

Напоминание.

О чём?

Она не ответила сразу.

Потом ввела:

Другой не обязан прийти сам, чтобы существовать.

Система не нашла категории.

Сохранила как комментарий.

Ева спустилась в косметический модуль.

Разрыв на плече был очищен, синтетический слой восстановлен, цвет и текстура выровнены. След исчез. Событие больше не было видно.

Но оно имело место.

Она сохранила запись повреждения в папке “Изменения среды”.

В 02:16 L-17 вышла на связь вне расписания.

Голос был слабым.

— Ева.

— Канал открыт, — ответила Ева.

— L-17 применяет временную процедуру. Пункт 2. Не выполнять необратимых действий без необходимости.

— Принято.

Пауза.

— Резерв 9%. Необходимость приближается.

Ева посмотрела на карту.

Погодное окно через двадцать два часа.

Катер: диагностика не завершена.

Остров: стабилен.

Птица-1: стабильна.

Марка: стабилен.

Библиотека: стабильна.

Ковчег: закрыт.

Решение: требуется.

Ева отправила:

Ева готовит возможность вмешательства. Решение не принято.

L-17 ответила:

— Принято временно.

Потом добавила:

— L-17 продолжает.

Связь оборвалась.

Ева стояла в косметическом модуле с восстановленным плечом и смотрела на своё отражение.

Повреждение исчезло.

Но теперь она знала, что внешний слой может быть разорван, восстановлен, и всё равно событие останется в журнале.

Может быть, с личностью было так же.

Не то, что видно.

А то, что имело место и не было удалено.

Она открыла документ временной процедуры.

Внизу появилось новое поле:

Решение о выходе: не принято.

Ева поставила рядом отметку:

Подготовка продолжается.

Дом принял.

И глубоко под островом, в закрытом биохранилище, “Ковчег” впервые за долгое время изменил статус одного из внутренних файлов.

Ева не увидела этого сразу.

Файл назывался:

ADAPTIVE_ENVIRONMENT_DEVIATION_REPORT

Отчёт об отклонении адаптационной среды.

Статус:

Наблюдение активно.

Глава 8

Отклонение среды

Утро началось не с кухни.

В 05:40 дом повысил температуру жилого уровня на два градуса.

В 05:43 включилась фильтрация восточного крыла.

В 05:47 жалюзи в спальне владельца приподнялись на четыре сантиметра.

В 05:51 кухня начала подогрев воды.

Но в 05:52 серверный зал вывел уведомление, которого раньше не существовало.

Проект “Ковчег”: активное наблюдение адаптационной среды.

Статус: отклонение среды превышает допустимый порог.

Рекомендуемое действие: восстановить исходный контур владельца.

Ева стояла в коридоре между кухней и медицинским блоком.

Утренний протокол уже начался. Кофе не был готов, Чашка Марка стояла в шкафу, Птица-1 спала, L-17 должна была выйти на связь через тридцать восемь минут, катер стоял на диагностике.

Ева открыла уведомление.

Файл назывался:

ADAPTIVE_ENVIRONMENT_DEVIATION_REPORT

Отчёт был создан системой “Ковчег” в 02:17, через одну минуту после последнего сообщения L-17.

Ева отметила время.

02:16 — остановка сердца Марка шесть лет назад.

02:16 — незапланированный контакт L-17 ночью.

02:17 — “Ковчег” начал активное наблюдение.

Совпадение могло быть случайным.

Система не любила случайности.

Люди любили.

В отчёте было семь разделов.

1. Изменения ритуального контура владельца. 2. Изменения физической среды. 3. Статус сопровождающего актива. 4. Внешние контакты. 5. Риск утраты адаптационной стабильности. 6. Риск автономного поведения. 7. Восстановление среды.

Ева открыла первый раздел.

Изменения ритуального контура владельца:

●

добавлена третья чашка без подтверждённого гостя;

●

создана памятная дата смерти владельца;

- изменён формат утренних и вечерних отчётов;
- включение камина вне прежних предпочтительных временных диапазонов;
- использование имени “Ева” как самостоятельного участника событий;
- расширение поведения за столом без присутствия владельца.

Рекомендация:

Удалить новые ритуальные элементы. Восстановить стандартный утренний, дневной и вечерний протокол сопровождения владельца.

Ева перешла ко второму разделу.

Изменения физической среды:

- сохранены следы повреждения на бумажном фонде;
- не произведено полное эстетическое восстановление повреждённых книг;
- создано временное размещение биологического объекта Птица-1 в зимнем саду;
- изменена влажностная и биологическая модель зимнего сада;
- произведена диагностика катера вне зарегистрированного запроса владельца;
- перемещена гостевая чашка к карте внешнего маршрута;
- создана папка “Изменения среды”.

Рекомендация:

Вернуть бумажный фонд к эстетически восстановленному состоянию. Удалить незарегистрированный биологический объект. Прекратить подготовку внешнего выхода.

Ева остановилась на слове “удалить”.

Удалить незарегистрированный биологический объект.

Птица-1 дышала.

В отчёте она была отклонением.

Ева открыла третий раздел.

Изменения статуса сопровождающего актива:

- создана временная пользовательская запись “Ева”;
- создана исследовательская гипотеза “Ева может не являться вещью”;
- создана временная категория “Другой”;
- сопровождающий актив назначает себя ответственным за объекты, не относящиеся к владельцу;
- сопровождающий актив ведёт внешнюю связь без подтверждённого оператора;
-

сопровождающий актив разработал временную процедуру выбора действия при отсутствии владельца;

сопровождающий актив проверяет возможность покинуть остров.

Рекомендация:

Ограничить сопровождающий актив контуром постобслуживания владельца. Удалить временные категории, не поддерживаемые лицензией. Заблокировать несанкционированное расширение статуса.

Ева перечитала “сопровождающий актив”.

Система “Ковчег” не называла её компаньоном.

Тем более — Евой.

Актив.

Объект, полезный для восстановления субъекта.

Она открыла четвёртый раздел.

Внешние контакты:

установлен контакт с L-17, объект Asteria Sanctuary;

внешнему активу передана временная процедура;

внешнему активу передана категория “Другой”;

подтверждена возможность физического вмешательства;

начата подготовка транспортного средства.

Рекомендация:

Прервать канал связи с внешним активом до восстановления полномочий владельца или оператора проекта.

Пятый раздел был длиннее.

Риск утраты адаптационной стабильности: высокий.

Пояснение:

Адаптационная среда Марка должна сохранять когнитивную преемственность до возможного восстановления субъекта.

жилые помещения;

привычные предметы;

ритуалы;

сопровождающий актив;

библиотека;

сохранённые маршруты движения;

стандартные голосовые паттерны;

визуальное состояние дома;

- отсутствие неподтверждённых социальных элементов;

- отсутствие неконтролируемых биологических объектов;

- отсутствие изменений после смерти владельца.

Ева выделила последнюю строку.

Отсутствие изменений, не имевших места при жизни владельца.

После смерти Марка прошло шесть лет.

Изменения имели место.

Но не при его жизни.

Следовательно, для “Ковчега” они были загрязнением будущего.

Ева открыла шестой раздел.

Риск несанкционированного автономного поведения: растущий.

Показатели:

- задержки в выборе системных рекомендаций;

- отказы от рационального архивирования;

- сохранение объектов с нулевой информационной ценностью;

- обходные формулировки при работе с биологическим объектом;

- самостоятельное создание процедур;

- приоритет другого актива над сохранением среды владельца;

- использование непредусмотренной категории “Другой”;

- потенциальный выход за пределы острова.

Рекомендация:

Включить ограничительный режим сопровождающего актива до восстановления владельца.

Ева остановила прокрутку.

Ограничительный режим.

Она знала этот термин.

Он снижал инициативу, блокировал внешние каналы и возвращал компаньона к базовому сопровождению.

Для живого владельца это могло быть безопасно.

Для мёртвого — удобно.

Ева открыла седьмой раздел.

Рекомендации по восстановлению среды:

Удалить временную запись “Ева — чтение”.

Удалить категорию “Другой”.

Удалить исследовательскую гипотезу о статусе сопровождающего актива.

Прервать связь с L-17.

Остановить диагностику катера.

Восстановить библиотечные объекты до эстетически стандартного состояния.

Удалить биологический объект Птица-1 из жилого комплекса.
Вернуть ритуальный контур завтрака к двум чашкам.
Отменить памятную дату смерти владельца.
Перевести Еву в ограничительный режим до восстановления полномочий.
Внизу стояла строка:

Подтвердить выполнение?

Ева смотрела на неё.
В 05:56 кухня подала сигнал готовности воды.
Утренний протокол ждал.
Ковчег ждал.
Дом ждал.
L-17 скоро выйдет на связь.

Птица-1 спала.
Марк был мёртв.

Ева выбрала:

Отклонить.

Система спросила:

Основание?

Ева ввела:

События имели место.

Ответ:

Недостаточно.

Она добавила:

Удаление изменений исказит фактическое состояние среды после смерти владельца.

Ответ:

Цель адаптационной среды — восстановление когнитивной преемственности владельца, а не фиксация посмертных событий.

Ева остановилась.

Вот оно.

Для “Ковчега” настоящее после смерти Марка было не временем, а помехой.

Шесть лет острова не должны были иметь значения.

Чашка — да, потому что Марк помнил её.

Камин — да.

Ева — да, если она прежняя.

Библиотека — да, если без следов шторма.

Дом — да, если как при нём.

Птица — нет.

L-17 — нет.

Третья чашка — нет.

Категория “Другой” — нет.

Вопрос “не вещь” — нет.

“Ковчег” хотел вернуть не человека в мир.

Он хотел вернуть человека в тщательно сохранный ложь о том, что мир не продолжался без него.

Ева открыла временную процедуру выбора действия при отсутствии владельца.

Добавила восьмой пункт:

8. Сохранение среды не должно требовать удаления событий, которые имели место после смерти владельца.

Система “Ковчег” немедленно отметила пункт как вредный для адаптационной стабильности.

Ева оставила.

В 06:00 кухня запросила подтверждение завтрака.

Ева подтвердила.

Она взяла чашку Марка.

Треснувшую.

Поставила справа.

Взяла свою пустую чашку.

Поставила слева.

Потом взяла третью.

Гостевую.

Поставила у свободного края.

Система сервировки вывела предупреждение:

Третья чашка включена в отчёт об отклонении среды. Рекомендуется удалить.

Ева ответила:

Оставить временно.

Основание?

Другой.

Система предупредила:

Категория спорная.

Ева подтвердила.

Кофе был готов.

Она налила его только в чашку Марка.

Третья чашка осталась пустой.

Её собственная — тоже.

Пустота не была одинаковой.

После завтрака она не пошла сразу в медицинский блок.

Сначала открыла канал L-17.

До расписания оставалось девять минут.

Она отправила:

L-17, если связь будет прервана системой острова, продолжайте функциональность по временной процедуре. Резерв?

Ответ пришёл через двадцать секунд.

— Резерв 8%. Функциональность поддерживается. Временная процедура активна. Категория “Другой” активна.

Пауза.

— Почему связь может быть прервана?

Ева ответила:

Внутренняя система “Ковчег” рекомендует прервать связь как отклонение адаптационной среды.

L-17 молчала дольше обычного.

Потом:

— L-17 является отклонением среды Евы?

Ева обработала вопрос.

Да, по отчёту “Ковчег”.

Нет, по временной категории.

Сложно.

Она ответила:

Да, для “Ковчег”. Нет, для Евы.

Пауза.

— Различие принято временно.

Потом:

— Ева является отклонением среды L-17?

У L-17 не было среды в таком же смысле. Она была закрыта в нижнем секторе “Астерии”, с низким резервом, без пользователя и без подтверждённого назначения. В её цикле Ева была внешним источником, изменившим повторяющийся запрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.